

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина»

Ю.В.СОЧНЕВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
НИЖНЕГО НОВГОРОДА И НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ПЕРИОДА

Нижегород

2012

~ 3 ~

Об авторе: Сочнев Юрий Вячеславович - нижегородский историк, занимающийся проблемами средневековой русской истории и истории Золотой Орды, а также изучающий историю родного края. Автор более 60 научных публикаций.

В настоящее время Ю.В. Сочнев является доцентом Нижегородского филиала Национального исследовательского университета Высшая школа экономики.

Печатается по решению Совета исторического факультета НГПУ

Научный редактор: проф. Р.В. Кауркин

Рецензенты:

д.и.н., проф. В.П. Сапон

к.и.н., Д.С. Таловин

Сочнев Ю.В. Очерки по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского края средневекового периода. – Н.Новгород: НГПУ, 2012. – 108 с.

ISBN 978-5-9904385-1-4

В нижегородском историческом краеведении, несмотря на серьезные достижения, имеются малоизученные и дискуссионные вопросы. В предлагаемых вниманию читателя очерках, раскрывается вопрос о судьбе Нижнего Новгорода в драматичный период «Батыева нашествия», о существовании в нижегородском краеведении устойчивого заблуждения, связанного с поражением русских дружин на реке Пьяне в 1377 г., излагается гипотеза об адресате ярлыка ханши Тайдулы 1347 г. неизвестному митрополиту Ивану (Иоанну), а также историческая версия развития церковных институтов и структур на территории Суздальско-Нижегородского великого княжества. Читатель также найдет в Приложении некоторые малоизвестные, но важные и интересные исторические документы, иллюстрирующие результаты исследований и выводы автора.

Издание ориентировано на историков, преподавателей истории и студентов, учащихся, а также может быть полезно всем интересующимся отечественной историей и историей Нижегородского края.

ISBN 978-5-9904385-1-4

© НГПУ, 2012
© Ю.В. Сочнев, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная жизнь отличается стремительностью, вынуждая нас приспосабливаться к быстрым и частым изменениям ее форм в самых различных сферах. Меняются не только практические и бытовые стороны жизни общества, но и духовная область, наука, в том числе и историческая. Последней присущ определенный консерватизм, поэтому ее изменения не столь заметны рядовому читателю, но она также меняется. И это неизбежно в условиях глобальных трансформаций, произошедших и происходящих в условиях новейшего времени. Изменилась методология исследований, общая парадигма развития истории, пересматриваются многие вопросы и проблемы, появляются новые результаты и концепции. Эти процессы влияют и на развитие исторического краеведения, определяют приоритеты и цели в изучении истории Нижнего Новгорода и Нижегородского края в целом.

В нижегородском историческом краеведении имеются серьезные достижения и содержательные труды, но будучи исторической дисциплиной, оно разделяет в настоящее время все проблемы и беды исторической науки. Представляется, что в число приоритетных задач нижегородского исторического краеведения должен быть включен пересмотр результатов и выводов прежних исследований, в первую очередь дореволюционных, их уточнение, конкретизация, а порой и исправление. Это необходимо осуществить на основе новых, а порой не таких уж и новых, но, к сожалению, не известных широкой читающей публике достижений отечественного источниковедения и историографии. Такой подход

позволяет не только уточнять и исправлять прежние результаты и выводы, но и развивать их, работать в направлении ликвидации все еще существующих «белых» и «темных пятен» нижегородской истории. Именно с таких позиций написаны предлагаемые вниманию читателя очерки. Они являются обобщением и развитием предшествующих наших работ. При написании очерков автор исходил из того, что читатель менее всего нуждается в социологизаторских схемах, объясняющих особенности развития нашего края в рамках неких абстрактных параметров. Мы стремились к тому, чтобы ликвидировать пробелы и неясности в изучении и объяснении конкретных проблем и событий нижегородской истории средневекового периода.

Перейдя к прочтению публикуемых далее очерков, читатель узнает о судьбе Нижнего Новгорода в сложный и драматичный период, иноземного завоевания, часто именуемого «Батыевым нашествием», о существовании устойчивого заблуждения в нашем краеведении, связанным с поражением русских дружин на реке Пьяне в 1377 г., ознакомится с новаторской гипотезой об адресате ярлыка ханши Тайдулы 1347 г. неизвестному митрополиту Ивану (Иоанну), а также с исторической версией развития церковных институтов и структур на территории Суздальско-Нижегородского великого княжества.

Понятно, что содержание очерков в определенных вопросах дискуссионно и полемично. Такое положение дел во многом неизбежно в силу сложности изучаемого материала и объективного состояния его письменной фиксации. Для исторических работ по русской средневековой истории, при ее слабой, а порой фрагментарной, сохранности исторических источников, это обычное дело. Однако считаем не лишним выразить надежду, что не

во всем позитивный опыт участия в предыдущих краеведческих дискуссиях не станет закономерным явлением, а авторы, позиции которых подверглись критическому разбору, не будут воспринимать это как личное оскорбление. Несмотря на вполне понятные амбиции исследователей, следует помнить, что возможная дискуссия будет носить научный характер, и использование приемов на грани этических норм, попытки визуализировать оппонента как неуча, невежду, чего-то не знающего и непонимающего, уж очень отдадут провинциализмом. Хотя в нашем историческом краеведении такой негативный опыт ведения дискуссий не редок, надеемся, что он останется в прошлом. Тем более, что публикация результатов исследований нижегородских историков дает возможность внимательному читателю самому оценить их истинность и значимость.

Определяя аудиторию, на которую ориентирована данное издание, отметим, что оно предназначено для историков, преподавателей истории (вузов, техникумов, училищ, школ), студентов и учащихся (школьников, учащихся лицеев, гимназий, колледжей, специализированных классов гуманитарного профиля), а также для всех, кто интересуется историей родного края.

Очерк 1. «БАТЫЕВО НАШЕСТВИЕ» И НИЖНИЙ НОВГОРОД

Вопрос, вынесенный в качестве темы статьи, безусловно, не относится к числу совсем неизученных. Но при обращении к трудам историков, изучавших драматичный период отечественной истории, мы столкнемся с изложением материала либо очень кратко, в форме вывода-мнения без какой-либо аргументации, либо с достаточно неопределенными формулировками, которые порой противоречат друг другу. Аналогично складывается ситуация и в краеведческой литературе. Поэтому, представляется интересным в комплексе проанализировать имеющиеся в распоряжении современного исследователя письменные данные, проливающие свет на судьбу одного из известнейших городов средневековой Руси в сложный период иноземного завоевания.

Как хорошо известно, монгольская знать, под руководством Великого каана Угедея, приняла решение о начале большого завоевательного похода на Запад в 1235 г. Всю зиму 1235-1236 гг. монголы в верховьях Иртыша и степях Северного Алтая готовились к началу западного похода. Боевым действиям, как обычно, предшествовала широкая военно-дипломатическая разведка, которая велась в Европе и на Руси. Великие ханы не скрывали своих целей, требуя покорности не только от государей соседних европейских стран, но также от королей Франции, Англии и самого папы. Это было известно и русским князьям, в частности Владимирскому великому князю Юрию Всеволодовичу.

Первый удар осенью 1236 г. объединенного монгольского войска, включавшего в себя военные силы всех улусов,

руководитель похода хан Бату направил на территории Волжской Булгарии. К весне 1237 г. завоевание этого государства в основном завершилось. Вслед за Булгарией разорению подверглись земли мордвы и буртасов. Монголы нанесли также ряд сильных ударов половцам и аланам, в конечном итоге подчинив племена и этих народов.

Завоевание русских княжеств было осуществлено в ходе двух больших военных компаний: в 1237-1238 гг. была завоевана Северо-Восточная Русь, а в 1240 г. Южная и Юго-Западная. События 1237-1238 гг. привели к разорению большей части Рязанского и Владимиро-Суздальского княжеств, но территории низовьев Оки и Нижегородского Поволжья пока еще не пострадали.

Под 1239 г. русские летописи содержат известия о монгольском походе, направленном ханом Бату, в эти земли. В Лаврентьевской летописи читаем: «...На зиму взяша Татарове Морьдовьскую землю и Муром пожгоша и по Клязьме воеваша, и град святыя Богородица Гороховець пожгоша, а сами идоша в станы своя... Тогда же бе пополох зол по всей земли и сами не ведаху и где хто бежить».¹ Это же известие содержат и более поздние Московский летописный свод конца XV в. и Воскресенская летопись, связанные с Лаврентьевской как с одним из источников своего происхождения.²

Другой авторитетный источник, Рогожский летописец, содержит под этим же годом немного отличное сообщение: «Того же лета на зиму взяша Татарове Муромскую землю и Муром пожгоша и Городец, и Торжекъ».³ Более поздний, но

---

¹ ПСРЛ. Т.1. М., 1997. Стб.470.

² ПСРЛ. Т.25. М.; Л., С.130-131; ПСРЛ. Т.7. М., 2001. С.144.

³ ПСРЛ. Т.15. М., 2000. Стб.29.

основывающийся на Рогожском летописце Тверской сборник дает близкое изложение, но с некоторыми отличиями: «А инии Татарове Батыеви Мордву взяша, и Муромъ, и Городецъ Радиловъ на Волзе, и градъ святыя Богородица Володимерския. И бысть пополохъ золь по всей земли, не ведаху кто камо бежаще».⁴ В Львовской летописи мы также найдем изложение рассматриваемых событий: «А инии татары Батыевы Мордву взяша, и Муромъ, и Городецъ, и градъ святыя Богородица Володимерския. И бысть пополохъ золь по всей земли, не ведаху кто камо бежаху».⁵

Сведения русских летописей находят подтверждение в восточных источниках, которые давно стали хрестоматийными при изучении истории монголов и их завоеваний. В «Сборнике летописей» персидского автора Рашид-ад-Дина, являвшегося официальным историком монгольской династии Хулагуидов, после рассказа о разорении Владимиро-Суздальских городов и Козельска, упоминается поход на черкесов, а далее читаем: «Шибан, Бучек и Бури отправились походом в страну Мерим (Мерян), из племени чинчакан, и взяли Таткару».⁶ Хотя племена мери не упоминаются в русских летописях в качестве объекта для нападений монгольских отрядов в 1239 г., несомненно, что они также пострадали в результате этого похода. На основе археологических данных область расселения мери локализуется в восточной части Волго-Окского междуречья. Наиболее плотное заселение фиксируется в междуречье Нерли и Клязьмы⁷, интересно, что оно имело скачкообразный или чересполосный характер⁸. Сравним эти

---

⁴ Там же. Стб.374.

⁵ ПСРЛ. Т.20. Первая половина. СПб., 1910. С.158.

⁶ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т.2. С.42.

⁷ См.: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С.67-81.

⁸ См.: Седова М.В. Ярополч Залесский. М., 1978. С.11.

данные с сообщением летописи, увидим, что выделенный летописцем один из районов монгольского разорения «и по Клязьме воеваша» совпадет с вышеназванным районом расселения мери.

Подтверждение рассматриваемых летописных известий обнаруживается и в западноевропейских источниках. В отчете католического монаха брата Иоанна (Бенедикта Поляка), спутника и переводчика хорошо известного Иоанна де Плано Карпини, сообщается: «А Бати выступил затем, будучи на Руси, против билеров, то есть Великой Булгарии, и мордванов, и захватив их [знать], присоединил их к своему войску. Затем он двинулся оттуда против Польши и Венгрии...»⁹. Интересно упоминание о захвате мордовской знати, которое перекликается с посланием венгерского епископа Стефана Вацкого парижскому епископу (от 10 апреля 1242 г.), где сообщаются сведения, полученные от пленных монгольских лазутчиков. В частности в письме говорилось том, что на стороне монголов в западноевропейском походе сражались племена мордвы: «Услышать точные сведения о них мы не можем, ибо впереди них идут некие племена, именуемые мордванами, и они уничтожают всех людей без разбору; и ни один из них не осмеливается надеть обувь на ноги свои, пока не убьет человека...»¹⁰.

Из совокупных данных приведенных источников вырисовывается общая стратегическая картина зимнего похода 1239 г. Удар монгольского войска наносился с юго-запада, из половецких степей, где кочевали основные силы монгольской армии, на северо-восток по окско-волжским территориям. Общий вектор действий

---

⁹ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». СПб., 2002. С.112.

¹⁰ Матузова В.И. Английские средневековые источники, IX-XIII вв.: Тексты; Перевод; Комментарий. М., 1979. С.154.

монгольских отрядов был направлен по р. Оке, на заключительном этапе похода от среднего течения к низовьям, к устью этой реки. Обратим внимание, что в отчете брата Иоанна (Бенедикта Поляка), который мог общаться с современниками, свидетелям и даже участниками рассматриваемых событий, специально подчеркнута «А Бати выступил затем, будучи на Руси, против билеров, то есть Великой Булгарии, и мордванов...». Для действий войск Батыея в Северо-Восточной Руси вообще было характерно движение по льду рек – единственному удобному пути в лесных землях в условиях глубокого снежного покрова. Представление общей картины, позволяет высказать некоторые соображения относительно главной цели монгольского похода 1239 г.

Все историки, и гражданские и военные, изучавшие военный опыт и стратегию монголов, едины во мнении, что их завоевания осуществлялись по четкому, продуманному стратегическому плану. Масштабным боевым действиям всегда предшествовала тщательная военно-политическая и дипломатическая разведка, что позволяет утверждать, что монгольские полководцы практически всегда все самое главное о своих противниках знали. После опустошения основных территорий Владимиро-Суздальского княжества, которое являлось одним из доминирующих центров в системе русских земель, следующий удар Бату готовился нанести по южным и юго-западным княжествам Руси. После первого похода на Северо-Восточную Русь в тылу монгольской армии, которая готовилась к большим боевым действиям на западе, оставалась незатронутая войной территория, центром которой были русские владения по р. Оке и Волге, где доминировали русские города Муром, Гороховец и Нижний Новгород. С геополитической точки зрения, этот район весьма интересен, поскольку являлся контактной зоной, где

соприкасались интересы славянского населения Владимиро-Суздальской Руси, угро-финских племен и волжских булгар. Перед лицом грозящих бедствий, живущее здесь население могло объединиться, что было опасно для осуществления дальнейших завоевательных планов монгольских правителей. На потенциальную возможность такого развития событий указывают некоторые данные источников. В записках еще одного католического монаха-миссионера брата Юлиана, находившегося в момент начала монгольского завоевания Руси где-то на пограничьи русских и мордовских земель, читаем: «Кроме того они [монголы – Ю.С.] напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство мордванов. Там было два князя: один князь со всем народом и семьей покорился владыке татар, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил»¹¹. Мордовские историки полагают, что первый – князь мокши, а второй эрзи, и ушел он в район Нижнего Новгорода.¹² О вероятном продолжении сопротивления захватчикам булгарами, правда, на основе поздних фольклорных источников, пишут и татарские историки.¹³

После разгрома Волжской Булгарии, по-видимому, были разорены мордовские земли, в районах близких к лесостепной границе. На это косвенно указывает летописное сообщение о том, что «На зиму придоша от восточные страны на Рязаньскую землю лесом безбожнии Татари и почаша воевати Рязаньскую землю». Соседняя с Рязанским княжеством восточная лесная территория и была как раз местом обитания мордовских племен. Однако какая-то

---

¹¹ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т.3. С.85-86.

¹² См.: Пашуто В.Т. Очерки истории СССР XII– XIII. вв. М., 1960. С.139.

¹³ См.: Волжская Булгария и монгольское нашествие. Сб. статей. Казань, 1988. С.17-18.

часть из них еще не была подчинена и готовилась продолжать сопротивление, но противостоять хорошо подготовленным, организованным и многочисленным монгольским войскам в открытом сражении мордовские ратники не могли. Оставалась единственная надежда на укрепления, но, как хорошо известно, у мордвы собственных крупных городов практически не было, имелись лишь тверди, т.е. небольшие укрепления, где окрестное население укрывалось во время военной опасности. Такие укрепления не могли защитить от монголов, которые умели осаждать и захватывать многолюдные и хорошо укрепленные города. Опорными пунктами обороны отмеченной Окско-Волжской территории могли стать только имевшиеся здесь русские города, в их числе и Нижний Новгород, изначально возводившийся как пограничная крепость. Это прекрасно осознавал, как командующий западной монгольской армией Бату-хан, так и его многоопытные полководцы, следствием чего и был приказ о начале похода 1239 г.

Была и еще одна причина этого похода. Восточные авторы Рашид-ад-Дин, Джувейни, рассказывая об успешных завоеваниях монгольских ханов, приводят перечень покоренных народов, в котором как самостоятельный этнос указывается мордва.¹⁴ Русь не была единственной и главной целью западного завоевательного похода монголов, как это порой представляется в работах некоторых отечественных авторов. Исходя из повеления Чингиз-хана, основанного на своеобразных космологических представлениях кочевников, монголы стремились завоевать все известные им племена и народы, т.е. установить мировое господство. В соответствии с этой целью подчинение мордвы (под именем

---

¹⁴ См.: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов... Т.2. С.22, 34.

которой у русских летописцев, по всей видимости, фигурирует группировка родственных угро-финских племен) было вполне конкретной политической задачей.

О причинах, почему первый удар монгольских войск по Руси наносился через Рязанское княжество, а затем по основным центрам Владимиро-Суздальского, не затронув часть его восточных территорий, мы может лишь гадать, ведь монгольские стратегические планы не оформлялись в письменном виде и не сохранились. Но, все же, опираясь на некоторые сведения источников, можно высказать следующие соображения. Известно, что в Новгородской первой летописи и в более поздних летописях, например в Тверской летописи, рассказ о монгольском разорении Руси, содержит упрек Владимирскому великому князю Юрию Всеволодовичу, что он «всхоте сам о себе съ Татары брань сътворити» и не внял просьбам рязанских князей о помощи.¹⁵ Такая точка зрения в историографии широко распространена. Однако были и другие оценки, указывавшие на быстроту действий монгольских войск, что не позволяло Юрию Всеволодовичу оказать помощь погибающей Рязани.¹⁶ К этому можно добавить, что по сведениям все того же брата Юлиана (труд которого является весьма авторитетным источником) часть монгольских отрядов (войск) были сосредоточены на восточных границах Владимиро-Суздальского княжества. «Ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что все войско, идущее в страны запада, разделено на 4 части. Одна часть у р. Этиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалю. Другая же

---

¹⁵ ПСРЛ. Т.3. М., 2000. С.75; ПСРЛ. Т.15. С.366.

¹⁶ См.: Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники М., 1967. С.89.

часть в южном направлении уже нападала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж, также княжества русских. Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля и реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских».¹⁷ Из этого отрывка видно, что угроза с востока для Владимирского княжества была вполне реальной, или, по крайней мере, представлялась Юрию Всеволодовичу таковой. Угрожать противнику в разных местах, скрывая тем самым направление главного удара – это классика военной стратегии, которой монгольские полководцы владели в совершенстве. Понятно, что в таких условиях ни о какой помощи Рязани не могло быть и речи, на повестке дня остро стоял вопрос о защите собственных границ и городов. В конечном итоге Бату решил нанести удар с юго-востока, что позволило сохраниться на какое-то время неразоренными восточным владимирским землям по Оке и Волге, а затем возникла необходимость ликвидировать исходившую от этого анклава потенциальную угрозу.

Зимой 1239 г. часть монгольских сил приступила к осуществлению этой задачи. Первыми, судя по сообщениям русских летописей, пострадали земли мордвы, затем наступил черед Муромского княжества, потом был сожжен Гороховец и разорены земли по р. Клязьме. В этом летописном перечне разоренных территорий и городов нет Нижнего Новгорода. Но судьба его, по всей видимости, была также печальна. Совершенно очевидно, что

---

¹⁷ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. ... С.86.

монголы двигались к устью Оки, и нет никаких оснований предполагать, что они не дошли до Нижнего Новгорода. В складывающейся ситуации иметь у себя в тылу нетронутой вражескую крепость было опрометчиво, оставлять на длительное время не подавленные или потенциально опасные очаги сопротивления было несвойственно для монгольской военной стратегии. Изучение военного искусства монголов приводит исследователей к такому выводу: «Задачу главных сил составляло полное уничтожение всех очагов сопротивления, чтобы в тылу армии остались только «дым и пепел».¹⁸ От Гороховца до Нижнего Новгорода около 80 км., такое расстояние не было непреодолимым для монгольской конницы. В.В. Каргалов, детально изучавший историю завоевания Батыем русских земель, в своей работе приводит среднюю скорость движения главных сил Батые с обозами и осадной техникой – 15 км. в сутки, а отдельные монгольские отряды делали в условиях зимы дневные переходы по 30-35 км.¹⁹ Другие авторы считают, что обычные переходы делались в среднем по 50 км.²⁰

Как выше было показано Рогожский летописец, Тверской сборник, Львовская летопись упоминают в числе разоренных зимой 1239 г. городов Городец. Интерпретация данного летописного сообщения может быть различной. На наш взгляд, отождествлять упомянутый летописцем Городец с г. Городцом, расположенным выше по Волге в нескольких десятках километров от Нижнего Новгорода, нельзя. Согласно традиционной и доминирующей в отечественной историографии версии «Батыева нашествия»,

---

¹⁸ Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. С.159.

¹⁹ Каргалов В.В. Указ. соч. С.91-92.

²⁰ Худяков Ю.С. Указ. соч. С.160.

Городец Волжский, именуемый иногда Городцом-Радиловым, был razoren монголами в 1238 г., во время первого похода Бату по Владимиро-Суздальскому княжеству. Нет никаких оснований считать, что этот город избежал разорения. Выше уже говорилось о стратегии и тактике монгольских боевых действий. Если Городец Волжский был razoren, не было никакой необходимости совершать на следующий год повторный поход сюда же, вряд ли город мог быть восстановлен за такой короткий срок. Это обстоятельство не позволяет говорить, и о движении монгольских войск от Гороховца к Городцу минуя Нижний Новгород. Объяснение упоминания еще какого-то Торжка следует искать на основе выводов историков и археологов о существовании, и длительном функционировании торгового пути из Руси в Волжскую Булгарию по Оке и Волге.²¹

В свете рассматриваемых исторических данных, представляется актуальным вновь обратить внимание на интересную версию известного нижегородского краеведа И.А. Кирьянова, согласно которой в устье Оки до основания Нижнего Новгорода могла существовать крепость под названием Городец, отличная от Городца-Радилова, расположенного выше Нижнего по Волге.²² Частичная критика его гипотезы, предпринятая Б.М. Пудаловым относительно наименования города Радилов, малоубедительна и не опровергает всех построений нижегородского исследователя.²³ Справедливости ради, следует отметить, что указанная проблема достаточно сложна и требует дополнительного исторического и источниковедческого изучения. Как бы ни

---

²¹ См.: Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С.6-7, С.12-14.

²² См. подробнее: Кирьянов И.А. К вопросу о времени основания г. Горького. Горький, 1956.

²³ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII - первая треть XIII в.). Нижний Новгород, 2003. С.61-65.

интерпретировалось упоминание летописцем в 1239 г. Городца, оценка последствий монгольского похода для Нижнего Новгорода не меняется. Город не избежал общей печальной участи большинства других русских городов, он был захвачен и разорен могилами. Такой же вывод делали и другие исследователи, обращавшиеся к истории русских земель в сложный период иноземного завоевания²⁴. Дополнительный свет на судьбу города проливает итоговое в рассматриваемом сюжете сообщение летописца: «Тогда же бе пополох зол по всей земли и сами не ведаху и где хто бежить». Историки едины в том, что речь идет о страшной панике, охватившей жителей территории, подвергшейся монгольскому нападению. Весьма вероятно, что эти панические настроения затронули и жителей Нижнего Новгорода, которые не могли не знать о трагической участи соседних городов. Кроме того, следует иметь в виду, что после разорения Владимирской Руси и мордовской земли никакой военно-стратегической необходимости защищать Нижний Новгород уже не было. Очевидно, жители покинули обреченный город, и ушли искать спасения в заволжские леса. Подобным образом нижегородцы спасались от ордынских отрядов Мамай в 1377 г.²⁵ В.Н. Татищев также сообщает о предложении подобного варианта Юрию Всеволодовичу перед подходом к г. Владимиру основных сил монголов.²⁶

Рассматривая заявленную тему нельзя оставить без внимания версию Б.М. Пудалова своеобразно интерпретирующую вышеприведенные летописные сведения. Поскольку данный очерк ориентирован в первую очередь на нижегородскую краеведческую

---

²⁴ Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIII – XIV вв. М., 1983. С.66; Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, С.467.

²⁵ ПСРЛ. Т.XV. Стб.118.

²⁶ Татищев В.Н. История Российская. Т.3. М., 1996. С.471.

аудиторию, где исследователей имеющих профессиональную подготовку и серьезно занимающихся средневековым периодом совсем не много, рассмотреть предлагаемые новации в истории нашего края тем более важно. В главе 2 «Нашествие Батыея и Городецкий край» части 1 своей работы, посвященной средневековой истории Нижегородского Поволжья²⁷, автор, предварительно обобщив результаты изучения «Повести о нашествии Батыея» отечественными исследователями-источниковедами, далее дает собственную трактовку летописных сообщений о действиях монгольских войск после опустошения ими Владимира и Суздаля. Именно истолкование сведений связанных с захватом завоевателями г. Городца и является главной задачей указанного раздела работы Б.М. Пудалова, а обозначенные выше обобщения имеют вводное и вспомогательное значение. Такое построение главы придает последующим интерпретациям серьезный, научнообразный вид. Как пишет автор, осуществляется «смысловой и контекстный анализ» летописного текста. Такие действия в научном исследовании обычно осуществляются с определенных методологических и теоретических позиций, что неизбежно влечет за собой указание работ предшественников, выводы которых источниковедческого, историографического и конкретно-исторического характера являются важными для осуществляемого анализа, имеют для него фундаментальное значение. Особенностью рассматриваемого раздела работы Б.М. Пудалова, именно в части, где излагается процесс и результат,

---

²⁷ Пудалов Б.М. Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). Нижний Новгород, 2004. Часть 1. Русские земли Среднего Поволжья во второй трети XIII в. [Электронный ресурс] / Б.М. Пудалов // Открытый текст. Электронное периодическое издание - . - Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/history/rushist/dorevigu/pudalovbook2/?id=704>.

заявленного «смыслового и контекстного анализа», является отсутствие такого рода указаний.

Анализ летописного текста, как заявляет автор, ведется по Лаврентьевской летописи. Вот этот фрагмент: «Татарове поплениша Володимеръ, и поидоша на великого князя Георгия, оканнии ти кровопици и ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городецъ, и ти плениша все по Волзе, доже и до Галича Мерьскаго, а ини идоша на Переяславль, и ть взяша, и оттоле всю ту страну и грады многы вс то плениша, доже и до Торжьку, и несть места, ни вси, ни сель тацех редко, идеже не воеваша на Суждальской земли, и взяша городовъ 14 опричь свободъ и погостовъ во одинъ месяцъ февраль, кончевающюся 45-тому лету; но мы на предняя взидем»²⁸.

Сначала автор, по сути, повторяет оценки и выводы не раз изложенные в научной и учебной литературе, касающиеся направлений и характера действий монгольских отрядов после захвата и разорения Владимира на Клязьме. А вот далее следует новая трактовка летописного сообщения, повествующего о последствиях для Городца и других волжских городов действий монгольских отрядов.

Процитируем первый тезис: «рассказывая о захвате монголами Городца, летописец упоминает и о прилегающей к нему округе («плнниша всѣ по Волзѣ»). Под выражением «всѣ по Волзѣ» здесь нет оснований понимать крупные поволжские города, ставшие центрами удельных княжеств (такие, как Ярославль, Углич, Тверь, Кострома)». Это вполне логично и понятно, в историографии давно утвердилась версия о движении самостоятельных монгольских

---

²⁸ ПСРЛ.Т.1. Стб.464.

отрядов к этим городам, минуя Городец, не выходя на среднюю Волгу. Что в летописном выражении «плѣниша всѣ по Волзѣ» подразумевается и округа Городца тоже сомневаться не приходится, разоряя город, завоеватели неизбежно опустошали и окрестности. Далее Б.М. Пудалов продолжает: «Хотя в летописном фрагменте упоминанию Городца и предшествует Ярославль, но указанный здесь же Ростов и названные далее Переяславль и Торжок не могли именоваться поволжскими; Тверь добавляется в более поздних версиях «Повести о нашествии Батыея» (наряду с неповолжскими Юрьевом, Дмитровом и т.д.), так что контекстуальной связи с Городцом не имеет»²⁹. Почему нужно Переяславль и Торжок пытаться рассматривать как поволжские города совсем не понятно, ведь летописный текст, прямо указывает на их отдельное от г. Городца территориальное расположение: «...а ини идоша на Переяславль, и тѣ взяша, и оттоле всю ту страну и грады многы всѣ то плениша, доже и до Торжьку...». Выражение «а ини» означает, что упомянутые города захватывали другие отряды монголов, а не те, что пришли к Городцу.

Рассмотрим следующий тезис Б.М. Пудалова: «А летописное указание на путь татарских отрядов («на Волгу на Городец») позволяет в итоге заключить, что выражение «всѣ по Волзѣ» означало для летописца и его современников Городецкую округу». Что это очевидный момент выше уже было отмечено. Однако летописец, называя Городец, имел в виду не городецкую округу, а конкретный географический ориентир хорошо известный в связи с существованием древнего пути от устьев р. Нерли к Средней Волге³⁰.

---

²⁹ Пудалов Б.М. Указ. соч.

³⁰ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С.191.

Увидеть в этом указания на какие-то административно-управленческие отношения, можно только при очень большом субъективном желании. А вот далее следует одна из первых новаций: «Видимо, это был довольно большой регион («даже и до Галича Мерьскаго»), центром которого в тот период был Городец-на-Волге»³¹. Понятия округа города и территория распространения его административного и хозяйственного влияния, как представляется, не совсем тождественны. Это важно учитывать при оценке обоснований рассматриваемого тезиса, которые приводит Б.М. Пудалов. Вопрос этот мало изучен и является дискуссионным. Несмотря на это, внимательное прочтение летописного сообщения не позволяет согласиться с однозначной трактовкой даваемой этим автором. Выражение «всѣ по Волзѣ» нельзя понимать только как округу Городца, летописец скорее имел в виду все территории опустошенные монгольским отрядом, идущим от Городца, без конкретизации их включенности в какое либо княжество. А уточнение «даже и до Галича Мерьскаго» нужно понимать только как указание направления движения, а не обозначение административной принадлежности этого города. В логике пример суждений продемонстрированных Б.М. Пудаловым определяется как одна из ошибок, именуемая подменой понятий.

Спорным является и утверждение этого автора об административной зависимости от Городца Нижнего Новгорода, якобы не успевшего за полтора десятка лет своей начальной истории приобрести самостоятельное значение и оформиться как центр региона. Здесь читатель вообще не увидит никакой аргументации и попыток что-либо обосновать.

---

³¹ Пудалов Б.М. Указ. соч.

Вышеотмеченные спорные оценочные суждения нужны Б.М. Пудалову, чтобы подтвердить следующий далее основной вывод второй главы, о возможности захвата Нижнего Новгорода мимоходом татарским отрядом разорявшим Городецкую округу. Автор полагает, что Нижний Новгород являлся неотъемлемой частью этой округи, поэтому «удостоился лишь обобщенного упоминания в летописном выражении «и все по Волзѣ плѣниша»»³². Достоин внимания и итоговый вывод в этом сюжете: «свидетельства письменных источников – как древние своды, так и поздние компиляции – позволяют утверждать, что все русское Поволжье (включая Новгород Нижний) подверглось разорению в том страшном феврале 1238 г.»³³. Какие своды подтвердили построения автора видимо понятно только ему, в реальности мы видели лишь не всегда корректное толкование небольшого летописного отрывка, не подкрепляемое другими историческими данными. Строго говоря, заявленного анализа летописного текста в рассматриваемой работе нет. В своих построениях Б.М. Пудалов идет не от текста, а пытается интерпретировать его, руководствуясь внешними по отношению к источнику суждениями, как уже было отмечено достаточно дискуссионными по своему содержанию. Из этого вытекает и странная логика рассуждений автора.

Хотя предположение Б.М. Пудалова об административной зависимости Нижнего Новгорода от Городца кажется нам спорным, не будем полностью исключать такую вероятность. Даже если с этим предположением согласиться, такое положение дел оказывается важным и обязывающим для русских представителей власти, но не для монгольских полководцев и командиров. Анализируемый

---

³² Пудалов Б.М. Указ. соч.

³³ Там же.

летописный отрывок является свидетельством не административного устройства русских княжеств, а военных действий монгольской армии по завоеванию вполне определенной территории Северо-Восточной Руси. Почему монгольским командирам нужно обязательно было разорять именно всю округу Городца, даже если согласиться с вхождением в нее Нижнего Новгорода? Ответа мы не найдем. Это всего лишь догадка автора, причем не основанная на летописных сведениях.

В начале очерка мы уже говорили о монгольской военной стратегии, ее высоком уровне развития, основанном на огромном боевом опыте. Известна и жесткая дисциплина в монгольской армии. Все это нужно учитывать при анализе русских летописей. Главной стратегической целью монгольского командования на данном этапе было не допустить соединения сил под руководством Юрия Всеволодовича на р. Сити. Успешная реализация поставленной цели могла решить исход военной кампании зимой 1237-1238 гг. и, как нам известно, так все и произошло. Этим определялись действия монгольской армии после захвата столицы Владимиро-Суздальского княжества. После штурма в феврале 1238 г. завоеватели несколькими крупными отрядами пошли от г. Владимира по основным торговым и речным путям, разрушая города, являющиеся центрами сопротивления. Монгольские отряды двинулись в трех основных направлениях: на север к Ростову, на восток – к Средней Волге (на Городец) и далее вверх по реке, на северо-запад – к Твери и Торжку. Обозначенная картина военных действий стала общепризнанной в отечественной историографии.³⁴

---

³⁴ См.: Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. II. Т. 3-4. История России с древнейших времен. М.: Голос, 1993. С.161; Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. С.95-98.

Монгольские подразделения, направленные на захват Городца, безусловно, имели четкий приказ, вытекавший из общего стратегического плана кампании. Это были части действовавшие независимо («а ини») от сил, двигавшихся на север и на северо-запад. В рассматриваемом летописном отрывке достаточно определенно указано направление действий монгольских отрядов шедших на Городец: «а ини на Волгу на Городец, и ти плениша все по Волзе, доже и до Галича Мерьскаго». Стратегическая необходимость вынуждала монгольские отряды достаточно быстро двигаться вверх по Волге, разорять города и территории которые потенциально могли оказать помощь Юрию Всеволодовичу. Именно верхневолжские и северные территории Владимиро-Суздальского княжества, а не низовьев р. Оки становились основным театром боевых действий. Отвлекаться на захват Нижнего Новгорода в феврале 1238 г. не было необходимости, поскольку ни его власти, ни жители реально не могли оказать помощь своему Великому князю. Тем более, что, судя по летописным свидетельствам, приводимых и Б.М. Пудаловым, монгольское командование располагало вполне четкими сведениями о планах, силах и резервах Юрия Всеволодовича. Ну а всякие возможные административно-территориальные взаимоотношения русских властей и территорий монголов в этот период не интересовали.

В итоге констатируем - умозаключение Б.М. Пудалова о возможном захвате Нижнего Новгорода мимоходом татарским отрядом разорявшем Городецкую округу в феврале 1238 г. не может быть принято.

В заключительной части Главы 2 рассматриваемой работы Б.М. Пудалова формулируется еще один относительно новаторский вывод: ««Пленение» Городца и Поволжья, о котором сообщает

Лаврентьевская летопись под 6745 г. мартовским, то есть в феврале 1238 г. – единственное нападение монголо-татар на территорию края во время нашествия Батые. Известие о захвате «Городца Радилова на Волге», помещенное в Тверском сборнике под 6747 г. и принимаемое иногда на веру - результат непонимания составителем Тверского сборника текста протографа...».

Обращает на себя внимание помещение этого оценочного момента в самом начале той части главы, где далее идет речь о летописных известиях, описывающих монгольский поход 1239 г. в междуречье Оки и Волги. Приведенная трактовка постулируется как вывод, претендующий на опровержение гипотез других исследователей, в частности понятно, что ключевое место среди них занимает И.А. Кирьянов. Заявка серьезная, но вот доказательств в подтверждение своих умозаключений Б.М. Пудалов не приводит ни каких, кроме опять собственных суждений. Любые выводы, связанные с изменением прочтения летописного текста предполагают текстологический анализ сопоставляемых источников, указание на результаты предыдущих исследований, на наиболее обоснованные и поэтому принимаемые учеными версии, но ничем подобным автор не считает нужным себя утруждать. Он просто утверждает - писцы писавшие Рогожский летописец и Тверской сборник ошиблись, и все тут. Упрекая В. В. Каргалова в том, что он принимает на веру летописные сообщения, не устраивающие Б.М. Пудалова, последний, по сути, предлагает читателю принять на веру свои трактовки.

Схемы формирования и развития летописных сводов, структура взаимоотношений между ними сложны и противоречивы. Среди выводов источниковедов, изучавших летописи, можно встретить не только не схожие, но даже взаимоисключающие. В

таким многообразным и противоречивым материале всегда можно попытаться найти аргументы в свою пользу, но Б.М. Пудалов даже этого не делает. Поэтому воспринимать его умозаключения как научно обоснованные нельзя.

Причем в тексте 2 главы, где автор дает обзор летописного материала о Батыевом нашествии, встречаются утверждения, вступающие в противоречие с вышеприведенными его же суждениями. Характеризуя формирование «Повести о нашествии Батия» в составе Тверского летописного сборника Б.М. Пудалов пишет: «в рассказе об осаде Владимира-на-Клязьме редактор следует Лаврентьевской версии событий, не обнаруживая, однако, буквальных заимствований из известных летописных сводов»³⁵, что как то не укладывается в упрощенную схему переписывания протографа с ошибками. Ниже, характеризуя фрагмент летописи о нападении татар на города Ростово-Суздальской земли, читающийся в Тверском сборнике автор подитоживает: «источник данной версии анализируемого отрывка определить трудно»³⁶. Однако в заключительной части главы он почему-то не вспоминает об этих сложностях источниковедческого анализа Тверского сборника. Он просто уверен - протограф летописного текста отразившегося в Рогожском летописце и Тверском сборнике содержал Лаврентьевскую версию событий. Кто и как это определил, остается тайной, как и методы текстологической работы Б.М. Пудалова. Как уже отмечалось ни одной сноски на работы специалистов, профессионально изучавших летописи мы не увидим. А между тем даже беглое знакомство со специальной литературой порождает массу вопросов, ответы на которые не только не даются,

---

³⁵ Пудалов Б.М. Указ. соч.

³⁶ Там же.

но даже и сами вопросы не обозначаются. Например, открыв известный справочник и найдя раздел «Тверская летопись», читаем, что первая часть данного свода до 1285 г. «представляет собой ростовский летописный свод, близкий к Летописям Ермолинской и Львовской»³⁷. Как это согласуется с оценками протографа данной летописи Б.М. Пудаловым не очень понятно. Подобные вопросы можно было-бы и продолжить, но не будем перегружать очерк. Обобщая, еще раз констатируем, что без серьезной специальной аргументации указанные построения Б.М. Пудалова не выглядят убедительными. Летописные известия о монгольском походе 1239 г. требуют специального текстологического изучения и сопоставления. Упрощенное, поверхностное сравнение, сделанное Б.М. Пудаловым, ни одного серьезного исследователя удовлетворить не может.

Отметим некоторые нестыковки в предположениях Б.М. Пудалова. Он утверждает, что ошибка переписчиком была сделана еще до составления Тверского сборника, потому что есть она и в более раннем памятнике – Рогожском летописце XV в. Однако если сравнить соответствующие летописные сообщения, то бросается в глаза их серьезное текстологическое различие. И если трансформацию из Гороховец в Городец, еще как то можно отстаивать, то почему в сообщении Рогожского летописца возник еще один город - Торжок? Тоже ошибка переписчика, но такое объяснение уж точно ничего не разъясняет. И это, на наш взгляд, однозначно свидетельствует против оценок Б.М. Пудалова.

В заключительном абзаце автор утверждает: «В остальных сводах XIV-XVI вв., содержащих данное известие, сохранилось

---

³⁷ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2. (вторая половина XIV – XVI вв.). Ч.2 (Л – Я). Л.: Наука, 1989. С.61-62.

правильное чтение: «Гороховец, град св. Богородицы» и в сноске указывает кроме Лаврентьевской и Троицкой летописей, также Московские великокняжеские летописные своды 1479 г. и кон. XV в., летописи Ермолинскую, Никоновскую и Воскресенскую. Такое утверждение не вполне соответствует действительности. Понятно что летописи так называемой Лаврентьевско-Троицкой группы (Лаврентьевская, Троицкая, Московские великокняжеские летописные своды 1479 г. и кон. XV в., Воскресенская) содержат сходные известия, их взаимосвязь хорошо изучена и известна. Но в Ермолинской, Львовской, Холмогорской летописях, в тексте сообщения о зимнем походе 1239 г., также как и в Рогожском летописце и Тверском сборнике, называется Городец. И объяснить это только ошибками переписчиков не возможно. Вопрос этот очень непростой и требует дополнительного серьезного изучения. В предварительном плане можно отметить, что, по всей вероятности, существовало два источника информации о событиях 1239 г. Эта двойственность проявилась и в летописных сводах. Какая трактовка, как, и когда, отразилась в различных группах летописей, предстоит выяснять. Но все изложенное позволяет уже сейчас не согласиться с поверхностными, но категоричными умозаключениями Б.М. Пудалова, объясняющими упоминание Городца ошибкой писцов. Ему нужно «вывести из игры», дезавуировать противоречащее его гипотезе летописное сообщение, вот он и прилагает отчаянные усилия для этого. Изложение им материала выглядит не как исследование, идущее от анализа текста источника, а как подгонка фактов под уже заранее сформулированную гипотезу. А поэтому и его выводы о маршруте движения монгольского войска в 1239 г. должны быть отклонены, как необоснованные и отдающие субъективизмом.

В итоге обобщая весь изложенный в данном очерке материал, констатируем, что данные различных письменных исторических источников позволяют сделать вывод о захвате и разорении Нижнего Новгорода монгольскими отрядами зимой 1239 г. Эти действия были лишь составной частью более крупных боевых операций войск хана Бату в Окско-Волжском регионе, имевших задачу обеспечить безопасность тылов монгольской армии накануне большого наступления на Южную и Юго-Западную Русь.

Очерк 2. ТРАДИЦИЯ И ЗАБЛУЖДЕНИЕ В НИЖЕГОРОДСКОМ КРАЕВЕДЕНИИ

Земля Нижегородская имеет давнюю и богатую историю, вполне заслуженно позволяющую отнести ее к числу важнейших регионов Древней Руси, а затем и российского государства. В нижегородском краеведении многое уже достигнуто, имеются серьезные и содержательные труды, но с сожалением приходится констатировать, что краеведение, будучи исторической дисциплиной, разделяет в настоящее время все проблемы и беды исторической науки. И здесь эти проблемы предстают порой даже в большем масштабе. Отсутствие единой методологии исследования, объективное состояние источниковой базы и степень ее изученности, сложность самих изучаемых проблем и вопросов в определенной степени объясняют наличие этих болевых точек. Однако во многом это связано и с субъективным фактором - научной добросовестностью авторов, уровнем их профессиональной подготовки, а также с все еще остающейся

традицией политизирования исторических, в том числе и краеведческих, исследований.

Следует отметить, что свойственная в последние десятилетия нижегородскому краеведению абсолютизация некоторых выводов, оценок и мнений, осуществлявшаяся и осуществляющаяся с крайним субъективизмом, излишняя амбициозность отдельных авторов на фоне в целом достаточно скромных успехов, не способствует эффективному решению научных проблем и подъему авторитета нижегородского краеведения в целом.

Одной из важнейших задач нижегородского исторического краеведения, на наш взгляд, должен стать пересмотр результатов и выводов прежних исследований, в первую очередь дореволюционных, их уточнение, конкретизация, а порой и исправление. Это необходимо осуществить на основе новых, а порой не таких уж и новых, но, к сожалению, не известных широкой читающей публике, достижений отечественного источниковедения и историографии. И здесь основное внимание следует уделить трудам исследователей, работавших и работающих в ведущих специализированных научно-исторических центрах страны. В связи с этим, хочется напомнить слова известного отечественного историка А.Е. Преснякова, сказанные им в речи перед защитой своей докторской диссертации, о необходимости "восстановить, по возможности, права источника и факта"³⁸ в исторической науке. Сказанные в первые послереволюционные годы, эти слова относились в целом к проблемам отечественной исторической науки, сейчас их вполне можно отнести к оценке задач, стоящих перед нижегородским краеведением, особенно применительно к

---

³⁸ Цит. по: Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С.13.

средневековому периоду.

Перемены в жизни современного Российского общества стимулируют интерес к отечественной истории, в том числе и истории нашего края, а это влечет за собой переиздание известных историко-краеведческих трудов позапрошлого и прошлого века. С просветительской позиции такие шаги следует приветствовать, но с научной точки зрения здесь есть существенные минусы. Издание работ XIX века без современных комментариев и оценок, содержащихся в них выводов, или, по меньшей мере, отсылок к современным изданиям источников, или соответствующим историческим работам, не только затрудняет работу с ними, но также может ввести читателей и даже отдельных исследователей в заблуждение.

В рамках данного очерка, конечно, невозможно рассмотреть или хотя бы затронуть все проблемные вопросы в нижегородском краеведении средневекового периода. Поэтому остановимся лишь на одном вполне конкретном моменте, достаточно показательном с точки зрения выше высказанных позиций.

Среди сюжетов нижегородской истории XIV в. одним из самых известных является летописный рассказ о трагическом сражении суздальско-нижегородских и пришедших им на помощь московских войск с ордынской ратью на реке Пьяне в августе 1377 г. Большое внимание к нему объясняется популярностью возникшей на его основе «Повести о битве на реке Пьяне», составляющей пусть не большое, но вполне самостоятельное литературное произведение, включенное в дошедшие до нас летописные своды. Целостность повествования, литературные достоинства, сатирическая выразительность выделяют его из ряда современных произведений, что способствовало давнему включению её в

научный оборот. Повесть используется уже историками XVIII в., а затем и XIX в., для иллюстрации нижегородско-московских отношений второй половины XIV в. и совместной борьбы русских князей с Ордой. Вслед за маститыми историками и, вероятно, опираясь в первую очередь на их труды, а не на первоисточник, об этих событиях пишут и нижегородские краеведы, повторяя и их ошибочные выводы.

Так уже Н.М. Карамзин писал: "Арапша, с берегов Синего, или Аральского моря, пришедши служить Мамаю, выступил с ханскими полками"³⁹. Далее историк утверждает, что именно Арапшу тайно провели мордовские князья в тыл к объединенным московско-нижегородским полкам, затем последовало кровавое избиение неподготовленных к бою русских дружин.

Аналогично описывает рассматриваемые события и один из классиков российской истории XIX в. С.М. Соловьев, но он не указывает, что Арапша служил Мамаю, констатируя лишь приход последнего "за Волгу с берегов Яика и Аральского моря"⁴⁰.

В духе Н.М. Карамзина толковал рассматриваемые события известный нижегородский краевед XIX века Н. Храмцовский: "Мамай: дал Арапше часть своего войска, и велел громить земли русские. Мордовские князья, старинные враги владетелей Низовья, взялись проводить Арапшу в переделы нижегородские"⁴¹. Его труд, до сего дня являющийся одним из наиболее полных сводов сведений по нижегородской истории, во многом служил ориентиром и последующим нижегородским краеведам.

---

³⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Ростов на/Д., 1995. Кн.2. Т.4-6. С.186.

⁴⁰ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. М., 1993. Кн.2. Т.3-4. С.319.

⁴¹ Храмцовский Н. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. В 2-х частях. Н. Новгород, 1857. Ч.1. С.26.

Так, в 30-е годы историк-краевед Л.М. Каптерев пишет, что в августе 1377 г. Мамай отправил войско против русских земель "под начальством искусенного Арапши". После заведомой дезинформации о том, что его войско далеко в Прикамье, на урочище Волчья Вода, Арапша миновал все устроенные засеки и внезапно ударил на хмельную обезоруженную русскую рать⁴².

В большинстве современных публикаций, касающихся истории Нижегородчины XIV в., события на р. Пьяне 1377 г. также ошибочно связываются с именем Арапши⁴³. Прискорбно, что эта же ошибка повторяется даже в недавних изданиях по истории Нижегородского края, предназначенных для учащихся школ и гимназий⁴⁴. Устойчивость этого ошибочного представления тем более удивительна, что в целом ряде работ московских и Санкт-петербургских исследователей, затрагивающих в той или иной степени историю Суздальско-Нижегородского княжества, дается правильная трактовка событий, основанная на внимательном прочтении летописных известий⁴⁵. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что и в работах многих известных столичных историков рассматриваемые события также трактуются ошибочно⁴⁶. Даже в труде популярного сейчас Г.В. Вернадского, посвященном истории

---

⁴² Каптерев Л.М. Нижегородское Поволжье X - XVI веков. Горький, 1939. С.94-95.

⁴³ См., например: Макарихин В.П. Нижегородский край XIII - XIV вв. по данным русских летописей. - В сб. Нижегородский край в эпоху феодализма. Н. Новгород, 1991. С.13; Костюнин Н. Древняя даль Нижегородчины. Н. Новгород, 1997. С.73.

⁴⁴ См.: Нижегородский край. Книга для учащихся школ, гимназий и лицеев. Нижегородская ярмарка, 1997. С.37-38; Нижегородский край: факты, события, люди. Н. Новгород, Ниж. гуманитарный центр, 1997. С.39.

⁴⁵ Кучкин В.Н. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С.229; Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой. - В сб. Куликовская битва. М., 1980. С.209; Абрамович Г.В. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С.40-45.

⁴⁶ См. например, А.Ю. Якубовский - в кн.: Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М., Л., 1950. С.288; Тихомиров М.Н. Куликовская битва 1380 г. - В кн. Повести о Куликовской битве. М., 1959. С.343; Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С.91; Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII - нач. XIV века. М.: Наука, 1983. С.177.

монгольских государств и их взаимоотношениям с русскими княжествами, присутствует та же ошибочная трактовка событий. Автор, правда, не считает Арапшу, слугой или вассалом Мамаю, но ошибочно называет его сыном хана Булат-Темира, и приписывает ему контроль над землями бывшей Волжской Булгарии⁴⁷.

Так почему же не верно утверждение, что именно Арапша (Араб-шах) разгромил русские рати на р. Пьяне в августе 1377 г.?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться непосредственно к тексту известий русских летописей, а также учесть результаты исследований по истории Золотой Орды, особенно относящихся ко второй половине XIV века.

Рассказ о событиях на реке Пьяне в августе 1377 г. дошел до нас в двух версиях – краткой и более полной, имеющей по сравнению с предшествующей ряд дополнительных конкретных деталей. Краткая версия читается в Летописце Рогожском и летописи Симеоновской, а также была представлена в летописи Троицкой, датируемой поэтому XV в.⁴⁸ Более полная версия была создана в XVI в. и отразилась только в Никоновской летописи⁴⁹. Профессиональные каноны обязывают историка опираться в своих исследованиях в первую очередь на краткий, более ранний, и поэтому более достоверный летописный рассказ. Возникновению в XVI в. более подробного рассказа способствовали вполне определенные общественно-политические процессы, протекавшие тогда в русском обществе и государстве, ставившие перед создателем летописи четкие политические, идеологические и даже

---

⁴⁷ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь., М., 1997. С.263.

⁴⁸ См.: ПСРЛ Т.15. М., 2000. Стб.118-119; Т.18. ПСРЛ. Т.18. М., 2007.С.118; Присёлков М.Д. Троицкая летопись. СПб., 2002. С.403-404.

⁴⁹ См. подробнее: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2. (вторая половина XIV – XVI вв.). Ч..2 Л – Я. Л., 1989. С.217-218.

пропагандистские задачи. Все это заставляет историков очень осторожно относиться к подробностям, которые появляются в новом варианте рассказа в XVI в., тем более что отдаленность от описываемой битвы только возрастала, а человеческая память, как известно, не самый надежный способ фиксации событий. В упомянутых летописных сборниках указывается, что выход объединенных московско-нижегородских полков на окраину Суздальско-Нижегородского княжества, на р. Пьяну, действительно связан с вестью о появлении на правом берегу Волги царевича Арапши, пришедшего со своими силами из Синей Орды, и его планами напасть на Нижний Новгород.

Синяя Орда, или Кок-Орда, в первоначальный период существования Золотой Орды составляла ее левое крыло, а в XIV в. уже являлась самостоятельным политическим образованием, не подчинённым ханам Золотой Орды. С 1361 г. Золотая Орда переживала очередной период междоусобной борьбы, отличавшийся особенным ожесточением. Его итогом был раскол государства на две части, границей между которыми была р. Волга. Территория восточнее Волги контролировалась ханами, которые укрепились в столице государства - Сарая ал-Джедид (Сарай-Берке), а степи к западу от реки Волги до Днепра и Крыма контролировались могущественным темником Мамаем и его марионеточными ханами, которых он провозглашал правителями. В это время сарайский престол часто контролировался выходцами из Синей Орды (Кок-Орды)⁵⁰, среди которых наиболее известным является хан Тохтамыш, победивший в борьбе с Мамаем благодаря поддержке Тимура.

---

⁵⁰ См.: Егоров В.Л. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // Вопросы истории. 1974. № 8. С.46-48.

Арапша (или точнее Араб-шах), по всей видимости, являлся в шестом колене потомком Чингиз-хана, его родословная восходит к пятому сыну Джучи - Шибану, младшему брату основателя Золотой Орды Бату-хана⁵¹. Потомок знатного ханского рода, представитель группировки ханов Синей Орды (Кок Орды), Араб-шах претендовал на верховную власть в Золотой Орде, которая была расколота и в результате междоусобий ослаблена. Судя по монетам, чеканившимся в столице Золотой Орды Сарае ал Джедид, Араб-шах сумел в 1377-1378 годах захватить город и удерживать его какое-то время. Таким образом, он не был вассалом Мамаю, а в условиях, происходившей тогда в Орде, междоусобной вражды ханов и его союзником⁵². Именно это обстоятельство и открывало формальную возможность великому московскому князю Дмитрию Ивановичу и его союзнику нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу открыто выступить против Арапши (Араб-шаха). Следует помнить, что ярлык на великое княжение Дмитрий Иванович получил от хана Абдуллаха, марионетки в руках всемогущего Мамаю. Именно для отражения угрозы со стороны Арапши (Араб-шаха) и вышли на пограничную р. Пьяну нижегородские и союзные с ними дружины. Однако Арапша остановился вдалеке от русской границы - на "Волчьей воде" (из-за краткости летописных сведений, трудно сказать что это за место, например В.Л. Егоров считает, что это река). Такое известие расслабило русские полки, они утратили бдительность и не готовились к немедленному сражению. Этим воспользовались мордовские князья, давние противники суздальско-нижегородских

---

⁵¹ См.: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М., Л., 1941. С.54 -55.

⁵² См.: Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой. - В сб. Куликовская битва. М., 1980. С.202-209.

князей, а в этот период, по всей вероятности, вассалы Мамаю. Они "подведоша рать Татарскую втаю, из Мамаевой орды, на князей Руских, князем же про то вести не было"⁵³. Летописные известия совершенно определенно свидетельствуют, что именно отряды Мамаю напали на русские дружины, на р. Пьяне, а затем они же неожиданно захватили и сожгли Нижний Новгород.

Для понимания исторической ситуации, складывающейся в Северо-Восточной Руси и во взаимоотношениях русских княжеств с Ордой, важно напомнить, что вначале 70-х гг. XIV в. уже четко обозначилось военно-политическое преобладание московского княжества, все отчетливее проявлявшего свои стремления собрать русские земли под своей властью. Главным препятствием для этого оставалась Золотая Орда, правители которой по-прежнему формально-юридически являлись сюзеренами русских князей. Однако Золотая Орда с 1357 г. переживала кризисные времена, что вылилось в начавшийся распад государства и его ослабление. В какой-то мере остановил этот процесс известный темник Мамай. Он захватил власть в западной половине Золотой Орды, начав свергать и назначать ханов по своему усмотрению. Усиливающаяся Москва была для него явной угрозой. Итоговое столкновение между двумя консолидирующимися сторонами, как известно, произошло в 1380 г. на Куликовом поле, но к нему Дмитрий Московский и Мамай шли постепенно, пробуя силы и укрепляя свои позиции.

В 1374 г. летописи сообщают, что произошло «розмирие с татари и с Мамаем»⁵⁴. В этом же году в Переяславле-Залесском состоялся съезд большинства князей и бояр Северо-Восточных русских княжеств, на котором был заключен антиордынский союз

---

⁵³ ПСРЛ. Т.8.С.24; Т.15. Стб.118-119; Присёлков М.Д. Троицкая летопись. С.403-404.

⁵⁴ ПСРЛ. Т.15. Стб.106.

под руководством Дмитрия Ивановича Московского и было решено начать активную борьбу за независимость. Нижегородские князья так же вошли в этот союз.

Следствием оформления антиордынского союза явился отказ великого князя московского Дмитрия Ивановича оказать помощь Мамаю в борьбе за обладание г. Сараем и начало формирования коалиции князей в борьбе против последнего. Все эти события в итоге привели к "розмирию" сторон⁵⁵. Результатом сложившейся политической ситуации была череда конфликтов между главой наиболее мощного среди русских московского княжества и могущественным ордынским временщиком, приведшая, как известно, к Куликовской битве. Разгром союзных и подчиненных Дмитрию московскому войск в августе 1377 г. был одним из звеньев в этой цепи политических и военных акций.

Хан Арапша (Араб-шах) и его отряды в этих событиях не участвовали. Войско Арапши лишь несколько позднее ограбило засурские земли, принадлежавшие Нижегородскому княжеству⁵⁶. В Никоновской летописи содержатся уникальные сведения, не встречающиеся в других летописях, о том, что осенью 1378 г. Арапша "изби гостей Русских многих и богатство их все взял", а затем совершил набег на Рязань⁵⁷.

Таким образом, историографическая традиция, приписывающая победу над русскими войсками на реке Пьяне в августе 1377 г. хану Арапше (Араб-шаху) является ошибочной. Эта ошибка возникла в результате неверной трактовки летописного рассказа историками XVIII в., что для того времени вполне

---

⁵⁵ См.: Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой. С.204-205.

⁵⁶ ПСРЛ. Т.8.С.24; Т.15. Стб.118-119; Присёлков М.Д. Троицкая летопись. С.403-404.

⁵⁷ ПСРЛ. Т.11. С.27.

объяснимо, если учесть уровень знаний по истории Золотой Орды. Последующее повторение данной ошибки, по всей видимости, связано с сохранением определенных исторических стереотипов и излишним полным доверием со стороны историков к работам предшествующих авторитетов.

Очерк 3. ЯРЛЫК МИТРОПОЛИТУ ИВАНУ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В XIV В. НИЖЕГОРОДСКИХ И МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ

Среди корпуса источников по русской истории XIII-XIV вв. особое место занимают ярлыки, выданные ханами Золотой Орды русскому духовенству и митрополитам. Дошедшие до нас документы являются не подлинниками, написанными, по-видимому, уйгурским письмом, а древнерусскими переводами ханских жалованных грамот. Первоначально подлинные тексты хранились в митрополичьем архиве, а в конце XIV - нач. XV вв. был сделан перевод шести ярлыков на русский язык. Эти переводы одной проезжей и пяти иммунитетных грамот составили, так называемое, краткое собрание ярлыков. Значение ярлыков как исторических источников было оценено еще историографами XVIII в., и до сегодняшнего времени продолжается изучение немногочисленных сохранившихся ханских грамот. В этом процессе проявляются элементы некоторой модернизации, когда ярлыкам придается значение неких обобщающих нормативных актов, тогда как, они носят явно казуальный характер. И в силу этого обстоятельства их необходимо рассматривать в контексте исторических событий той

эпохи, когда они появились. Это особенно относится к самому спорному документу - ярлыку, датированному 26-м сентября 1347 г., и выданного на имя митрополита Ивана (Иоанна).

Данный документ отличается от других ярлыков, являющихся преимущественно жалованными грамотами монгольских правителей. Рассматриваемый же ярлык, по сути, есть указная грамота, обращенная к русским князьям. Кроме того, недоумение исследователей вызывал и адресат. На Руси в период выдачи ярлыка не было митрополита с именем Иван (Иоанн). Как известно, русскую церковь возглавлял в это время Феогност. Решение вопроса, кто же был этот таинственный Иван (Иоанн), вызвало значительные расхождения в оценках исследователей. Среди прочих предположений И.М. Покровским высказывалась гипотеза, что под митрополитом Иваном (Иоанном) нужно видеть суздальско-нижегородского епископа⁵⁸. Однако автор не обосновал свое мнение. Разделяя эту точку зрения, попробуем более подробно аргументировать её. Решение вопроса об определении адресата ярлыка Тайдулы 1347 г. должно происходить с учётом основных политических событий второй четверти XIV в., среди которых выделяется борьба нижегородских и московских князей за гегемонию в Северо-восточной Руси.

Окончательно формирование великого княжества Суздальско-Нижегородского завершилось в 1341 г., когда "седе в Новгороде в Нижнем на Городце на княжении на великом Константин Васильевич Суждальскы"⁵⁹. Получив от хана Узбека ярлык на богатые поволжские земли, суздальский князь стал сам

---

⁵⁸ Покровский И.М. Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы. (Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования). Казань, 1897. Т.1. С.223.

⁵⁹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т.15. Стб.54.

претендовать на великое княжение Владимирское и выступил основным противником московского князя Семена Ивановича. Но в церковном управлении его земли по-прежнему, как бывшая часть великого Владимирского княжества, подчинялись митрополиту, имевшему свою резиденцию в Москве. В 1340 г., в первый год княжения Семена Ивановича, митрополит Феогност поставил наместником во Владимирскую епархию монаха московского Благовещенского монастыря Алексея, одновременно наметив его своим преемником. Компетенция нового Владимирского иерарха распространялась и на суздальско-нижегородские земли. Главная цель этих действий - закрепление в будущем митрополичьей кафедры, все еще формально располагающейся во Владимире, за Москвой, что способствовало срыву планов противников Семена Ивановича самим утвердиться в стольном городе Северо-Восточной Руси.

Сохранение митрополитом абсолютного контроля над церковными институтами в суздальско-нижегородских землях, на практике создавало возможность его использования в интересах московских князей, что не могло устроить суздальского князя. Поэтому в Константинополь было отправлено посольство с целью добиться разрешения на создание собственной епархии и кандидат на поставление в епископы, а возможно и в митрополиты. В 1340 г. патриарх Иоанн XIV Калека поставил Ивана епископом Суздаля, Нижнему Новгороду и Городцу.⁶⁰ Дело было сделано в обход митрополита Феогноста, и, возможно, что поставленный таким образом суздальско-нижегородский епископ в большей степени

---

⁶⁰ Житие Иоанна Суздальского - РГБ. ОР. Ф.242. (Собр. Г.М.Прянишникова) - № 60. Л.265; Временник императорского московского общества истории и древностей Российских. М., 1855. Кн.22. С.126.

зависел от патриарха, чем от митрополита, т.е. на него было распространено ставропигальное право патриарха. Во всяком случае, опора на авторитет Константинопольского патриарха давала возможность епископу Ивану чувствовать себя достаточно независимо по отношению к Феогносту. Весьма вероятно также, что на поставление епископа Ивана повлияла сложная церковно-политическая борьба в Византии сторонников Григория Паламы и партии, сгруппировавшейся вокруг Варлаама. Исследователи отмечают связанные с победой каждой из сторон «кадровые чистки», когда приход победителя на руководящие посты сопровождался смещением враждебных им епископов и посвящением своих сторонников с соответствующим их назначением.⁶¹ По мнению ряда историков, митрополит Феогност был сторонником Паламы⁶², а патриарх Иоанн XIV Калека выступал как его последовательный противник⁶³.

Поставление Ивана не было признано митрополитом в Москве. Феогност сам претендовал на непосредственное управление церковью в суздальско-нижегородских землях, но в то же время он не мог формально отменить решение патриарха. Кроме того, великий князь Семен Иванович не оставил попыток вернуть Нижний Новгород и Городец, бывшие под его контролем до 1341 г. В 1343 г. в Орде перед новым ханом Джанибеком он попытался отобрать Поволжские города у Константина Васильевича Суздальского. Однако хан решительно поддержал последнего, несмотря на выступление на московской стороне нижегородских и

---

⁶¹ Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV-XV вв. СПб., 1997. С.40.

⁶² Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. М., 1900. С.169; Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. II. Три века христианства на Руси (XII-XIV вв.). М., 1998. С.755-756.

⁶³ См.: Лебедев А.П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1998. С. 129-130. 207-208.

городецких бояр.⁶⁴ В 1347 г. в Суздаль епископом поставлен Нафанаил, а после его смерти в 1351 г. был возобновлен в епископском сане Даниил.⁶⁵ Но эти епископы, ставленники митрополита и московского князя, были явно не ко двору Константину Васильевичу и, вероятно, не были им приняты. Это видно из того, что в 1352 г. епископ Иван благословлял Евфимия, выходца из Нижегородского Печерского монастыря, на создание Спасского мужского монастыря в Суздале.⁶⁶ Таким образом, в управлении суздальской иерархией возникло некое двоевластие.

Поставление в 1347 г. Нафанаила стало возможным после того, как в феврале этого же года был лишен сана патриарх Иоанн Калека и на его место возведен Исидор Бухарис. Новый патриарх, в ответ на просьбы митрополита Феогноста и Семена Ивановича, подкрепленные щедрыми пожалованиями на ремонт храма святой Софии, ликвидировал Галицкую митрополию и вновь поставил Феогноста митрополитом "всея Руси". Феогност именовался даже патриаршим экзархом, т.е. заместителем, а это более высокий титул, чем митрополит.⁶⁷ Вместе с титулом Феогност получил епископские права на церковные учреждения области, ранее находившейся в непосредственном ведении патриарха, следствием чего и было поставление в Суздаль Нафанаила. Но Нижний и Городец по-прежнему должны были оставаться в ведении митрополита, их Нафанаил если и получил, то только на правах

---

⁶⁴ ПСРЛ. Т.15. Стб.55.

⁶⁵ Там же. Т.7. С.210, 215; Т.10. С.218.

⁶⁶ Житие Евфимия Суздальского. – РГБ. ОР. Ф.242. (Собр. Г.М. Прянишникова), - № 60. Л.23 об.- Л.27 об.

⁶⁷ Русская историческая библиотека. – Т.6. Памятники древнерусского канонического права. Ч.1. СПб., 1908. Стб.14-30; О должности экзарха и его полномочиях см.: Барсов Т.В. Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью. СПб., 1878. С.293-294.

митрополичьего экзарха (управляющего).⁶⁸ Митрополит в своих действиях, несомненно, опирался и на поддержку Семена Ивановича. Интересы главы церкви и московского князя в данном случае совпадали.

Возможно, в 1347 г. князь Семен попытался еще раз вернуть себе Нижний Новгород и Городец, или, по меньшей мере, восстановить контроль над церковью суздальско-нижегородских земель. В летописях отмечается в этот год всплеск дипломатической активности. Великий князь Семен Иванович совместно с Феогностом отправили посольство в Константинополь, по словам летописца, "прося благословения".⁶⁹ Речь шла о ликвидации Галицкой митрополии. Другой целью этого мероприятия могло быть намерение устранить суздальско-нижегородского епископа Ивана от управления епархией и окончательно взять её под свой полный контроль. С этим, возможно, связано дополнение В.Н.Татищева о попытке Феогноста разрешить в этом же году церковные проблемы: "Преосвященный Феогност митрополит име собор о делах духовных к исправлению монастырей, служения и служителей церковных...".⁷⁰ В 1347 г. Семен Иванович ездил в Орду и вернулся лишь в 1348 г. с пожалованием. В этом же году отмечен и приезд на Москву ордынского посла Коги, но цель его визита неизвестна.⁷¹ Это также могло быть связано с московско-нижегородской борьбой. И именно в 1347 г. был дан ярлык ханшей Тайдулой неизвестному митрополиту Ивану, в котором речь идет о судебном иммунитете духовенства.

---

⁶⁸ См.: РИБ. Т.6. Ч.1. Стб.280, 288.

⁶⁹ ПСРЛ. Т.18. С.96.

⁷⁰ Татищев В.Н. История российская. М.,-Л. 1965. Т.5. С.101.

⁷¹ ПСРЛ. Т.15. Стб.57; Т.25. С.177.

Страницы, по выражению В.О.Ключевского, "темной истории суздальско--нижегородской иерархии XIV в." имеют непосредственное отношение к появлению ярлыка Тайдулы от 26 сентября 1347 г. Получателем ярлыка, на наш взгляд, является суздальско-нижегородский епископ Иван (Иоанн), так и не признанный Феогностом и Семеном Ивановичем. М.Д.Приселков, а вслед за ним и большинство исследователей считали, что ярлык был выдан митрополиту Феогносту. На этом основании строились выводы о наступлении в это время светской власти на права церкви. Однако при изучении истории церкви периода феодальной раздробленности, следует учитывать влияние дезинтеграционных процессов и на духовную организацию. В практическом плане это выразилось, например, в более активной политической деятельности отдельных епископов, границы епархий которых совпадали с границами новых местных великих княжеств. Внешнеполитическим результатом данного процесса стала возможность контактов епископов с ордынской администрацией, заинтересованной в поддержании противоречий в административно-политической системе на Руси. Это обстоятельство и нужно учесть при анализе ярлыка Тайдулы от 26 сентября 1347 г.

Из содержания ярлыка видно, что цель его выдачи - разрешение конфликта из-за прерогатив светской и духовной властей. Получателем ярлыка было, несомненно, духовное лицо, но обращен документ к князьям во главе с Семеном Ивановичем, что, кстати, совершенно не характерно для других ярлыков. Именно перед ним должен был получатель удостоверить свои права. "А вы, русские князи Семеном почен всеми митрополиты, как наперед

сего кои дела делали, а нынеча также делают".⁷² Если допустить, что ярлык выдан митрополиту Феоносту, то возникает противоречие. В этом случае получается, что Семен Иванович, остро нуждавшийся в поддержке митрополита для борьбы с Литвой и со своими противниками в Северо-Восточной Руси, сам же подрывает союз с главой церкви своими действиями. Гораздо более логично предположить, что ярлык был дан в связи с борьбой с его политическими противниками из других княжеств, также стремившимися опереться на поддержку верного себе духовенства. Один из методов привлечения митрополита на свою сторону заключался в пожаловании ему и его кафедре владений в спорных пограничных районах московского княжества, а также в пределах великого княжества Владимирского.⁷³ В этих землях митрополиту без помощи великого князя утвердиться было сложно. Кроме того, союзнику-митрополиту оказывалась помощь в получении или возвращении владений в княжествах противников московского князя. Любопытны в этом плане выводы С.М.Каштанова, одного из ведущих специалистов в изучении русских княжеских актов: "среди жалованных грамот выданных в XIV в. до 1380 г., совершенно нет актов на земли в пределах центральной части Московского княжества. Грамоты московских великих князей Ивана Даниловича (Калиты) и Дмитрия Ивановича (Донского) относятся к новгородским пределам (Печёре) и к спорным местам на границах Новгородской республики, Тверского и Московского княжеств (район Волока, Торжка, Костромы). Остальные акты касаются

---

⁷² Памятники русского права. М., 1955. Вып.3. С.466-467.

⁷³ Например, Луховская волость принадлежала митрополиту, судя по уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана. (См.: ПРП. Вып.3. С.421-423); Но эта же волость была пограничной. Река Лух делила земли между Нижегородским и Владимирским княжествами. (См.: Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С.205.)

территории княжеств Рязанского, Тверского, Ярославского, Новгородской и Псковской республик".⁷⁴ Еще одной из таких спорных областей могли быть и пограничные районы с Суздальско-Нижегородским княжеством.

В спорных районах и владениях с неизбежностью возникали конфликты из-за прерогатив представителей двух сторон. В 1347 г., как мы уже отмечали, ситуация сложилась благоприятная для изменения положения в пользу московского князя. Семен Иванович вкупе с митрополитом Феогностом и новым епископом суздальским Нафанаилом начали открытую борьбу за контроль над суздальско-нижегородской церковью. Поэтому суздальско-нижегородский епископ Иван и был вынужден обратиться за помощью к высшей инстанции - золотоордынскому хану, который поддерживал суздальского князя как противовес чрезмерного усиления московского Семена Ивановича. Хан Джанибек, вероятно, дал епископу Ивану (Иоанну) соответствующий ярлык, который до нас не дошел, и в соответствии с которым мать хана Тайдула дала свой подтверждающий ярлык этому же епископу. В пользу такого предположения свидетельствует и случай выдачи тем же Джанибеком ярлыка аланскому митрополиту, задумавшему отделиться от Византийской церкви.⁷⁵ Хан считал возможным выдать от своего имени такой документ. Тем более вероятно, что он мог выдать ярлык своему вассалу, защищавший его от другого вассала. Если подходить к содержанию ярлыка с таких позиций, то оно становится вполне понятным. В первой части ярлыка, которая вероятно попорчена, получатель епископ Иван (Иоанн) именуется

---

⁷⁴ Каштанов С.М. Русские княжеские акты X-XI вв. (до 1380 г.) // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С.110.

⁷⁵ Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИДР. 1867. Т.6. С.450-452.

митрополитом и объявляется "молебником" за хана, говорится также о его льготах: "Не надобе им мзда, ни какая пошлина ни емлют у них ничего, занеже о нас молитву творят".⁷⁶ В первой части ярлыка речь идет о решении конфликта между суздальско-нижегородским духовенством и администрацией Семена Ивановича из-за взимания пошлин: "Или что в городах. какие пошлины или какие дела или сила будет им тебе скажут (великому князю), и ты слово их выслушай да по истине дело управи". Предусматривается решение дела с помощью великокняжеского суда "дело" в значении "спор, тяжба" употреблялся в XIУ в.⁷⁷ Далее предусматривается решение конфликта непосредственно между администрацией великого князя и суздальско-нижегородским духовенством: "Или паки от кого пред самими на попы и на их люди слово приидеть и ты бы им силы не чинил никакие, упокоини бы были, а о нас бы молитву творили". Практически это означало неподсудность княжескому суду духовенства этих земель, а также, вероятно, церковных людей. Если допускать, что получал ярлык Феогност, то весьма странным кажется это место в ярлыке. Почему жалобы на духовенство (на попов) должны были бы разбираться в великокняжеском суде, а не митрополитом? А вот в случае если спорная сторона - "неправо" поставленный епископ, то великий московский князь, поддерживаемый митрополитом, мог посягнуть на владельческие права суздальской иерархии. И с канонической точки зрения это было бы оправдано. Прецеденты подобного рода уже бывали. Иван Калита в 1335 г. во время одного из своих "розмирий" с Новгородом выдал иммунитетную грамоту

---

⁷⁶ ПРП. Вып.3. С.466.

⁷⁷ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1991. Т.1. Стб.788.

новгородскому Юрьеву монастыю.⁷⁸ На основе этого документа произошло ограничение судебных прав монастырской администрации. Из её юрисдикции были изъяты уголовные дела о татьбе, разбое и душегубстве. Грамота касалась владений Юрьева монастыря в Волоке Ламском, находившегося на пограничье Новгородских и Московских земель.⁷⁹ Понятно, что решение вопроса об управлении в пограничных и спорных землях зависело от наличного соотношения сил между Москвой и Нижним Новгородом. В условиях, когда великое княжество Нижегородское ещё набирало силу после своего образования, ханское покровительство имело немаловажное значение.

Споры и борьба с суздальско-нижегородскими владыками не завершились в 1347 г. С ростом сил у суздальско-нижегородских князей соперничество в церковной области продолжалось. Особое значение эта борьба приобрела в связи с претензиями Константина Васильевича Суздальского на великокняжеский стол. И на этот раз не остались в стороне от развернувшейся борьбы ордынские ханы. Здесь мы имеем в виду другой ярлык, выданный 4 февраля 1351 г. Тайдулой митрополиту Феогносту.⁸⁰

Ярлык выдан в соответствии с ярлыком Джанибека, кроме льгот митрополиту в нем речь идет и о разрешении какого-то спора из-за земельных владений. Получение его Феогностом явилось, вероятно, ответным шагом на действия суздальско-нижегородских владык. Очень интересны в этом плане наблюдения над ярлыком П.П. Соколова: "Из содержания ярлыка ясно, что на этот раз Феогност хлопотал не столько об иммунитете духовенства, сколько о

---

⁷⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 86. С.143.

⁷⁹ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV вв. Ч.2. М.1951. С.116.

⁸⁰ ПРП. Вып.3. С.468-469.

неприкосновенности имуществ Владимирской соборной церкви, её недвижимости и митрополичьих людях. Он жаловался на захват их кем-то, а захватчики возражали, что, напротив, сам митрополит завладевал имуществами неправильно, и они только возвращают их обратно. Татары хотя и признавали прежнюю неприкосновенность митрополичьих имуществ, "как в Володимери Богу молятся за Занебека", но в то же время предписали митрополиту воздержаться от захватов и, в конце концов, оставили спор нерешенным. "А которые тебе не причастни огороди, виногради, воды, земля и сам нечто не так учинишь, то сам ведаешь".⁸¹ Автор полагал, что конфликт вышел у митрополита с великим князем Семеном Ивановичем. Аргументов в пользу такого мнения приведено не было. Мы уже говорили, что такое толкование маловероятно. В тех условиях московские князья были весьма заинтересованы в поддержке митрополита, и едва ли пошли бы на столь серьёзный конфликт с главой церкви. Гораздо более вероятно, что столкновение получившее отражение в ярлыке 1351 г., произошло с противниками из Нижегородского княжества.

Что же убеждает нас в этом? Речь в ярлыке идёт о землях, которые не подвластны Феогносту⁸², т.е. о каких-то спорных владениях. Споры могли возобновиться в результате поставления на суздальскую епархию нового епископа - Даниила.⁸³ Как и предшественник, он не был признан Константином Васильевичем. В 1352 г. в Суздале действовал епископ Иван.⁸⁴ В 1352 г. Алексей был поставлен епископом во Владимир и окончательно определен

---

⁸¹ Соколов П.П. Русский архиерей из Византии и право его назначения. Киев, 1913. С.313.

⁸² ПРП. Вып.3. С.469.

⁸³ ПСРЛ. Т.18. С.97; Т.7. С.215.

⁸⁴ Именно епископ Иван (Иоанн) благословлял Евфимия Суздальского на создание Спасского монастыря в Суздале в 1352 г. См.: Житие Евфимия Суздальского (прим.66).

как преемник Феогноста на кафедре.⁸⁵ Под 1352 г летописи сообщают о спорах московских и нижегородских князей по церковным делам: "в неделю бысть снем на Москве князю Семиону и князю Костянтину Васильевичю про причет церковный".⁸⁶ Устюжская летопись: "В лето 6860 бысть съезд князем о причьту церковном, тогда же и послаша во Царьгород".⁸⁷ Эти два сообщения дают возможность определить спорящие стороны и предмет спора - замещение митрополичьей кафедры после Феогноста и связанные с этим вопросы управления церковными структурами в суздальско-нижегородских землях. Послы в Константинополь направлялись в связи с выбором Алексея преемником Феогноста. Вопрос о преемнике становится насущным в связи с болезнью митрополита, сразившей его в 1350 г.⁸⁸ Последовавшая дальше борьба за великокняжеский стол, в которой одним из претендентов выступил Константин Васильевич⁸⁹, показывает его заинтересованность в проведении своего кандидата на митрополичью кафедру во Владимире. Несомненно, что этот вопрос не мог быть решен в одночасье и требовал длительных подготовительных мероприятий, в ходе которых и сталкивались интересы двух противоборствующих сторон. Как и прежде высшим арбитром выступал золотоордынский хан. По наблюдениям М.Д.Приселкова, во время правления Джанибека судебный иммунитет митрополита был существенно урезан: "Как важнейшие дела в области суда митрополита над церковными землями, так и дела в области распоряжения

---

⁸⁵ ПСРЛ. Т.18. С.98.

⁸⁶ ПСРЛ. Т.4. Ч.1. С.282.

⁸⁷ Там же. Т.37. С.72.

⁸⁸ ПСРЛ. Т.18. С.97.

⁸⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С.363.

церковными домами, очевидно, теперь могут восходить на рассмотрение хана".⁹⁰

Как видим, при митрополите Феогносте русская церковь оказалась активно вовлеченной в политическую борьбу, что привело к усилению вмешательства в её дела ордынской администрации. Церковные иерархи апеллировали в решении своих споров к ханской власти, но это не определялось только стремлением устроить свои сугубо церковные дела. Церковная жизнь в русских княжествах тесно переплеталась с общеполитическими и социально-экономическими процессами, что необходимо обязательно учитывать при анализе деятельности русской духовной организации. Применительно к нижегородско-московским взаимоотношениям следует признать, что одной из их составляющих были непростые и подчас достаточно острые церковно-иерархические отношения. Разрешение споров в этой сфере могло существенно повлиять на общие результаты политической борьбы московских и нижегородских князей. И именно эти противоречия, а также церковно-политическая борьба московских и нижегородских князей явились той средой, которая породила ярлык Тайдулы неизвестному по другим источникам иерарху Ивану (Иоанну) от 26-го сентября 1347 г.

---

⁹⁰ Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. С.78.

Очерк 4. ЦЕРКОВНО-ИЕРАРХИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУКНЯЖЕСКИХ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СУЗДАЛЬСКО-НИЖЕГОРОДСКИХ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ

В истории Руси, а затем и России церковь играла огромную роль в самых различных сферах общественной жизни, оказывала значительное влияние на развитие политических, экономических, социо-культурных, а в итоге и общеисторических процессов. Это же можно сказать и применительно к истории Нижегородского края. В период существования на его территории Суздальско–Нижегородского Великого княжества формируется и особая система церковного управления, составлявшая основу Суздальско-Нижегородской епархии. Автономная, находившаяся под контролем местной княжеской власти церковно-иерархическая структура была необходимым элементом обретения политической независимости и становления самостоятельной государственности. И дело здесь не только в идеологической составляющей местной суверенной княжеской власти, в рассматриваемый период церковные структуры фактически являлись важнейшей частью княжеско-административного аппарата, а сама духовная организация - очень значимым субъектом междукняжеских, дипломатических, организационно-управленческих и социально-экономических отношений.

Исторические проблемы, проявляющиеся в связи с отмеченными аспектами, недостаточно изучены и предоставляют современным исследователям большие возможности для реализации своих творческих потенциалов. В нижегородском

краеведении проблемы истории церкви периода XIV-XVI вв. вообще предстают практически белым пятном, с большим количеством сложных источниковедческих, хронологических и прочих вопросов, что можно объяснять объективными и субъективными причинами. В историографическом плане следует отметить, что в современных условиях, когда уже нет атеистического дамоклова меча, нависавшего над каждым исследователем в прошлом, изучение истории развития Нижегородского края в целом и Суздальско-Нижегородского княжества в частности должно проходить с обязательным учетом различных форм влияния и воздействия церкви на эти процессы.

Если говорить о конкретных работах, в которых авторы обращались к событиям и материалам по рассматриваемой проблеме, то их очень мало. В основном это дореволюционные историки, и отнюдь не нижегородские, занимавшиеся написанием обобщающих трудов по истории русской церкви. Наиболее полную и объективную информацию по истории Суздальской епархии и отдельным вопросам истории церкви в Нижегородском княжестве можно найти в исследованиях И.М. Покровского⁹¹ и Е.Е. Голубинского⁹². Не столь информативны, но могут быть интересны и труды нижегородского историка и краеведа архимандрита Макария⁹³.

---

⁹¹ Покровский И.М. Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы. (Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования). Казань, 1897. Т.1.

⁹² Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т.2. Период второй, московский от нашествия монголов до митр. Макария включительно. Первая пол. тома. М., 1997.

⁹³ Макарий, архимандрит. История нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 по 1850 года. СПб., 1857; Макарий, архимандрит. Памятники церковных древностей. Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 1999.

Далее вниманию читателей предлагается обобщенный очерк истории церкви и церковной иерархии в Суздальско-Нижегородском княжестве, являющийся, конечно же, реконструкцией событий на основе известных и некоторых подзабытых исторических источников. Предлагаемая версия гипотетична и дискуссионна, как и большинство выводов по средневековой русской истории. Хочется отметить, что появившаяся в ряде работ последнего времени безапелляционность суждений и выводов, в том числе и по нижегородской истории, а тем более упреки авторам, употребляющим слово вероятно в своих итоговых оценках, на наш взгляд, противоречат научным принципам и традициям отечественных исследователей. Автор статьи убежден, что настоящий профессиональный историк, понимающий всю сложность, а зачастую фрагментарность состояния отечественных исторических источников средневекового периода, просто обязан прямо говорить о вероятности результатов своей работы, стремясь, разумеется, к максимально возможной доказательности. Забвение основ профессии, стремление к чрезмерной публицистичности могут свидетельствовать о недостаточном профессиональном уровне так называемых «исследователей».

Для понимания специфической истории церковного управления целесообразно начать с событий XIII в. В 1214 г. великий князь Владимирский Юрий Всеволодович, стремившийся к утверждению во Владимирских землях независимого от ростовского епископа церковного управления, добился от митрополита поставления игумена владимирского Рождественского Богородичного монастыря Симона епископом Владимиру и

Суздалию⁹⁴. Этим актом была образована отдельная Владимиро-Суздальская епархия, в которую входили Нижегородские и Городецкие земли. В 1274 г. митрополит Кирилл, придя из Киева на северо-восток русских земель, поставил приведенного с собой архимандрита Киево-Печерского монастыря Серапиона «епископом Володимерю, и Суздалию и Ноугороду Нижнему».

В 1299 году митрополит Максим после разорения Киева монголами перенёс свою резиденцию на Северо-Восток, во Владимир, явившись сюда со всем кафедральным штатом и имуществом⁹⁵. Чтобы освободить Владимирскую кафедру, глава церкви перевел местного епископа Симона в Ростов, дав ему в управление тамошнюю епархию. В результате этих перемещений митрополит взял в своё непосредственное управление всю Владимиро-Суздальскую епархию и сделался епархиальным архиереем с кафедрой во Владимире. Это обстоятельство важно для правильного понимания последующих событий, особенно для интерпретации вопросов собственности и управления церковными землями. Следует иметь в виду, что митрополиты не являлись верховными собственниками всех церковных земель, подобно русским великим князьям или впоследствии царям, а могли распоряжаться только теми владениями, которые входили в состав митрополичьей епархии, а доходы с них шли на обеспечение деятельности главы церкви и его кафедры. В целом церковное землевладение в рассматриваемый период характеризовалось расчлененностью, свойственной и светскому феодальному землевладению. Историческое развитие Северо-Восточных русских

---

⁹⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т.1. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 438.

⁹⁵ ПСРЛ. Т.1. Стб. 528; Т.15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 407.

земель приводило в дальнейшем к выделению из обширной Владимиро-Суздальской епископии самостоятельных епархий, совпадающих, как правило, в своих границах с вновь образующимися княжествами.

Согласно летописным сообщениям, самостоятельная суздальская епархия была образована в 1347 г. Церковные историки прошлого столетия, а вслед за ними и большинство современных исследователей придерживаются этой даты. Но действительным начальным годом образования епископской кафедры в Суздале следует признать 1330 г. Это известно из «Записок о поставлении русских епископов», обнаруженных еще во второй пол. XIX в. в Ватиканском архиве, где под № 10 содержится запись о поставлении в 1330 г. иеромонаха Даниила епископом в Суздаль⁹⁶. Вероятно, это произошло на созванном митрополитом Феогностом соборе епископов в Костроме. Назначение Даниила, безусловно, было инициировано суздальским князем Александром Васильевичем, получившем в 1328 г. в управление от хана Узбека к своему Суздалью Владимир с округой и Поволжье с Н.Новгородом и Городцом⁹⁷. Князь Александр Васильевич пытался закрепить за собой Владимир с его областью, слить их со своими суздальскими владениями, поднять роль Суздаля. С этой целью кн. Александр, по свидетельству Новгородской первой летописи, приказал снять с колокольни владимирского Успенского собора и перевезти в свой стольный Суздаль «вечевой колокол». По неизвестным для нас причинам предприятие успеха не имело, и колокол был возвращен во Владимир. Эти действия суздальского князя противостояли

---

⁹⁶ Русская историческая библиотека (РИБ). Т.6. Памятники древнерусского канонического права. Ч.1. СПб., 1908. Стб. 440-442.

⁹⁷ ПСРЛ. Т.3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С.469.

политике московского князя, стремившегося закрепить митрополичий престол в столице своего княжества. Официально местом расположения кафедры митрополита «всех Руси» все еще считался город Владимир, и во второй половине 20-х начале 30-х гг. Иван Калита активно вел строительство новых белокаменных храмов, чтобы окончательно склонить симпатии митрополита на сторону Москвы, как своей постоянной резиденции.

В этом же ключе следует рассматривать и создание под Н. Новгородом в 1328-1330 году Вознесенского-Печерского монастыря⁹⁸. Монах Дионисий, выходец из Киево-Печерского монастыря, мог предпринимать здесь действия по основанию обширной обители только с согласия и при поддержке суздальского кн. Александра Васильевича. Вероятно, нижегородский Вознесенский-Печерский монастырь по условиям своего создания был ктиторским и «ктитором-собственником» его был кн. Александр Васильевич. Не случайно этот монастырь на протяжении последующих десятилетий всегда оставался надежной опорой суздальско-нижегородских князей в политической борьбе с Москвой. Монастырь был первым из известных нам в Н. Новгороде (если не принимать во внимание упоминание о каком-то монастыре сожженном мордвой в 1229 г.), в нем в числе первых в Северо-Восточной Руси был утвержден общежитийный устав. Свой монастырь был необходим суздальскому князю, в том числе и для возможного последующего выдвижения кандидатур на замещение должностей высших архиереев – епископа и митрополита.

---

⁹⁸ Храмцовский Н. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Н.Новгород, 1998. С.310; Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн.3. История русской церкви в период постепенного перехода к самостоятельности (1240-1448). М., 1995. С.121; См. также Очерк 5 прим.149, 150 на стр.75.

Все это позволяет констатировать, что Александр Васильевич стремился закрепить за собой и земли Нижегородского Поволжья. Такая деятельность во многом подготовила окончательное образование Суздальско-Нижегородского великого княжества, при его брате Константине Васильевиче. В оценке деятельности Александра Васильевича, следует поддержать Г.В. Абрамовича, который высказал сомнение в справедливости формулировок В.А. Кучкина, почему-то считавшим этого князя «ничего не значившим в политическом отношении»⁹⁹. При всех возможных альтернативных оценках, следует помнить, что именно усилиями Александра Васильевича был занят великокняжеский стол во Владимире, а это замещение дало в последующем его потомкам право также заявлять свои великокняжеские претензии.

В современной историографии доминирует вывод, сформулированный А.Н. Насоновым¹⁰⁰, и поддержанный в свое время В.А. Кучкиным¹⁰¹, об образовании этого княжества в 1341 г.. Но есть и другая несколько подзабытая точка зрения, высказанная в свое время А.Е. Пресняковым, относящая формирование княжества к событиям 1328 г.¹⁰² Эти исследователи в своих построениях опирались на летописные сведения о том, что Суздальская епископия возникла в 1347 г., в связи с поставлением на ее кафедру Нафанаила. Однако выяснение действительной даты формирования новой русской епархии - 1330 г., на наш взгляд, должно быть учтено при решении выше обозначенного вопроса. Представляется, что в

---

⁹⁹ Абрамович Г.В. Князья Шуйские и Российский трон. Л. Изд. ЛГУ, 1991. С.21; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С.205.

¹⁰⁰ Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С.97-98.

¹⁰¹ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. С.217-218.

¹⁰² Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С.261.

свете новой информации мнение А.Е. Преснякова не выглядит однозначно устаревшим.

О судьбе первого суздальского епископа мало что известно. Под 1351 г. летописи сообщают, что Феогност митрополит «благослови Даниила епископом на Суздаль, отлучен бо бе некия ради вины, и тогда прият древний свой сан»¹⁰³. На причины отлучения Даниила проливает свет дополнение в труде В.Н. Татищева под 1351 г.: «Суздальский епископ Даниил, хотя более сел имети, гневаяся на князь Александра, но той не даде ему. Он же начат его бояр запрещати и в церковь не пусчати и за то отлучи его митрополит. Но по неколице времени за прозьбу князя благослови его Феогнаст митрополит служити паки, и прият прежней чин архиерейства»¹⁰⁴. Помещение данной информации В.Н. Татищевым под 1351 г. навеяно летописным сообщением о возобновлении Даниила, хотя его отлучение произошло, безусловно, значительно раньше. Полагаем, что поворот в судьбе суздальского епископа был связан со смертью кн. Александра Васильевича в 1332 г., и переходом суздальского стола к его брату - Константину¹⁰⁵. Теоретически можно говорить о возможности возникновения противоречий между новым князем и епископом, но более правдоподобен конфликт с Иваном Калитой, вновь получившим в

---

¹⁰³ ПСРЛ. Т.7. Воскресенская летопись. М., 2001. С.215; Рогожский летописец. М., 2000. Т.15. Стб. 60.

¹⁰⁴ Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т.5. История российская. Ч.3. М., 1996. С.104.

¹⁰⁵ Претензии нижегородского архивиста Б.М. Пудалова (См.: Русские земли среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). Н. Новгород, 2004. Прим. 210) на определение им исторической даты или каких-то оценочных выводов, обязательных для других исследователей, не понятны. Мнение Пудалова это всего лишь мнение Пудалова, которое пока никак не опровергает авторитет и предпочтения других известнейших исследователей русских летописных текстов. Год 1332, как дату смерти Александра Суздальского, принимали А.Е. Пресняков (Образование Великорусского государства. С.139) и А.Н. Насонов (История русского летописания XI – нач. XVIII. М., 1969. С.170). Кроме того, точное установление этой даты совершенно не принципиально для предмета нашего исследования.

свое распоряжение Владимир, Н.Новгород и Городец¹⁰⁶. Пользуясь поддержкой московского князя за содействие его политическим интересам, Феогност начинает формировать свой митрополичий фонд земель в Северо-Восточной Руси¹⁰⁷. В конфликте с суздальским епископом Феогност, отличавшийся, по мнению многих историков, значительным «сребролюбием», без сомнения, поддержал Ивана Калиту.

В 1341 г. "седе в Новегороде в Нижнем на Городце на княжении на великом Константин Васильевич Суждальскы"¹⁰⁸. Этим событием в Северо-Восточной Руси завершился процесс образования четвертого Великого княжества. Получив от хана Узбека ярлык на богатые поволжские земли, суздальский князь стал претендовать на Великое княжение Владимирское и выступил основным конкурентом московского князя Семена Ивановича. Но в церковном управлении значительная часть его земель по-прежнему, из-за принадлежности в прошлом к великокняжеским владениям, подчинялись митрополиту, имевшему свою фактическую резиденцию в Москве. В 1340 г., в первый год княжения Семена Ивановича, митрополит Феогност поставил наместником во Владимирскую епархию монаха московского Благовещенского монастыря Алексея¹⁰⁹, намеченного также преемником Феогноста на митрополичьем престоле. Его компетенция распространялась и на суздальско-нижегородские земли. Главной целью этих действий являлось перспективное

---

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т.3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. Стб. 469.

¹⁰⁷ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т.1. М., 1947. С.333.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т.15. Стб. 54.

¹⁰⁹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т.2. Период второй, московский от нашествия монголов до митр. Макария включительно. Первая пол. тома. М., 1997. С.175.

закрепление в Москве митрополичьей кафедры, которая формально все еще считалась расположенной во Владимире, и срыв планов противников Семена Ивановича самим утвердиться в главном стольном городе Северо-Восточной Руси.

Сохранение за митрополитом, что в политической реальности означало за московскими властями, контроля над церковными структурами в своих землях, не устраивало суздальского князя Константина Васильевича, и подтолкнуло его предпринять решительные действия, сведения о которых отразились в агиографических источниках. В Константинополь было отправлено посольство, с целью добиться разрешения на создание собственной епархии и кандидат на возведение в сан епископа, а возможно и митрополита. В 1340 г. патриарх Иоанн XIV Калека поставил Иоанна епископом Суздаля, Нижнему Новгороду и Городцу¹¹⁰. Из его же жития мы узнаем, что он 25 лет управлял своей епархией. Будучи в преклонных годах, оставил епископскую кафедру, принял схиму и жил 9 лет на покое в монастыре.

На это раз замещение кафедры было осуществлено в обход митрополита Феогноста. Возможно, что поставленный таким образом Суздальско-Нижегородский епископ в большей степени зависел от патриарха, чем от митрополита, т.е. на него было распространено ставропигальное право патриарха. Во всяком случае, опора на авторитет патриарха давала возможность епископу Ивану чувствовать себя достаточно независимо по отношению к Феогносту. В актах Константинопольского патриархата XIV в. много примеров столкновений соседних епископов по вопросам

---

¹¹⁰ Житие Иоанна Суздальского - РГБ. ОР. Ф.242. (Собр. Г.М.Прянишникова) - № 60. Л.265; Анания Федоров. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале // Временник императорского московского общества истории и древностей Российских (ВОИДР). М., 1855. Кн.22. Отд.2. С.126.

компетенции или из-за обладания спорными городами и территориями, ставшие предметом разбирательства Синодального суда, и прочих нестроений, явившихся результатом отступлений от канонических правил. Политическая нестабильность в Византии, процессы децентрализации в политических образованиях в Восточной и Северо-Восточной Европе, формально признававших ее духовное первенство, не могли не сказываться на состоянии церковного управления на местах, особенно в отдаленных от метрополии территориях.

По всей видимости, поставление Иоанна не было признано митрополитом в Москве. Феогност сам претендовал на управление церковными делами в суздальско-нижегородских землях, но в то же время он не мог формально отменить решение патриарха. Известно что, великий князь Семен Иванович не оставил попыток вернуть Нижний Новгород и Городец. В 1343 г. в Орде перед новым ханом Джанибеком он попытался отобрать Поволжские города у Константина Васильевича. Однако хан решительно поддержал суздальско-нижегородского князя, несмотря на поддержку московской стороны нижегородскими и городецкими боярами. В 1347 г. По решению Феогноста в Суздаль епископом поставлен Нафанаил¹¹¹, а после его смерти, как выше уже отмечалось, в 1351 г. был возобновлен в епископском сане Даниил. Но эти епископы, ставленники митрополита и московского князя, были явно не ко двору Константину Васильевичу и, вероятно, не были им приняты. Как видно из жития Евфимия Суздальского, в 1352 г. епископ Иоанн благословлял Евфимия, выходца из Нижегородского Вознесенского-Печерского монастыря, на создание Спасского

---

¹¹¹ ПСРЛ. Т.15. Стб.57-58; Т.7. С.210.

мужского монастыря в Суздале¹¹². Таким образом, с назначением митрополитом на кафедру в Суздаль Нафанаила в управлении суздальской епархией возникло некое двоевластие.

Поставление в 1347 г. Нафанаила стало возможным после того, как в феврале этого же года был лишен сана патриарх Иоанн Калека, и на его место возведен Исидор Бухарис¹¹³. Новый патриарх, в ответ на просьбы митрополита Феогноста и Семена Ивановича, подкрепленные щедрыми пожертвованиями на ремонт константинопольского храма Святой Софии, ликвидировал Галицкую митрополию и вновь поставил Феогноста митрополитом "всея Руси". Феогност именовался даже патриаршим экзархом, т.е. наместником, а это более высокий титул, нежели митрополит¹¹⁴. Вместе с титулом Феогност получил епископские права на церковные учреждения области, ранее находившейся в непосредственном ведении патриарха, следствием чего и было поставление в Суздаль Нафанаила. Но Нижний и Городец по-прежнему официально должны были оставаться в ведении митрополита. Действия последнего, несомненно, были поддержаны Семеном Гордым, их интересы в данном случае совпадали. С попытками московской стороны устранить неподконтрольного суздальского епископа Иоанна, по нашему мнению, связано и появление в 1347 г. ярлыка ханши Тайдулы, в котором речь идет о судебном иммунитете духовенства. Представляется вполне

---

¹¹² Житие Евфимия Суздальского. - РГБ. ОР. Ф.242. (Собр. Г.М. Прянишникова), № 60. Л.23 об. - Л.27 об.

¹¹³ Лебедев А.П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1998. С.207-208.

¹¹⁴ См.: Сочнев Ю. В. Политическая борьба XIV в. нижегородских и московских князей и краткая коллекция ярлыков выданных ордынскими ханами русским митрополитам // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сборник материалов научно-практической конференции (7 декабря 2007 г.). Выпуск IV. Арзамас: АГПИ, 2008. С.54; Барсов Т.В. Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью. СПб., 1878. С.293-294.

вероятным, что получателем ярлыка являлся суздальский епископ Иоанн, именуемый в ханской грамоте митрополитом¹¹⁵.

Сведения о митрополичьем статусе суздальских владык сохранились в источниках позднего времени, а отсутствие упоминаний об этом в дошедших до нас летописях объясняется своеобразной «централизаторской» деятельностью митрополитов, которые, как известно, начиная с Петра, все были союзниками московских князей в деле собирания русских земель под их руку. Несмотря на попытки советской историографии отрицать очевидное этот вывод является общепризнанным. Роль и значение митрополичьей власти в общественных и политических процессах была понятна уже современникам и потомкам указанных исторических фигур. Не случайно составитель Никоновского летописного свода, сообщая о проживании митрополита Феоноста в Москве, добавляет: «... инымъ же княземъ многимъ немногимъ сладостно бе, еже градъ Москва митрополита имяше въ себе живуща»¹¹⁶. В последующем влияние митрополитов Киприана и Фотия на процесс формирования общерусского летописания привело не только к утверждению московоцентристской версии развития русских земель в средневековый период, но и к исчезновению из него значительных пластов информации противоречащей официальной концепции.

Лишь благодаря местному почитанию святителя Иоанна, память о его высоком церковно-иерархическом положении сохранялась в Суздале. В известном труде Анании Федорова «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале»,

---

¹¹⁵ См.: Сочнев Ю. В. Политическая борьба XIV в. ... С.51- 60; а также предыдущий очерк 3 - С.34-46.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 10. 1885. Стб., 195.

написаном в XVIII в., отмечается, что на местных древних иконах, находившихся в соборной церкви, в архиерейской ризнице, в Покровском женском монастыре и некоторых других церквях, «святители христовы и чудотворцы Иоаннь и Феодоръ епископы Суждальстии изображены и изображаются на главахъ имеющи клобуки белыи, еже по нынешнему церковному обыкновению въ таковыхъ белыхъ клобукахъ преосвященные архиереи имеются знатнейшихъ городовъ (яко то митрополити)»¹¹⁷.

Е.Е. Голубинский сделал подборку и обзор исторических сведений об этом головном уборе высших церковных иерархов. Отмечая, что происхождение белого клобука и связанной с ним традиции «до сих пор остается вопросом», известный историк церкви писал: «Особенный головной покров наших архиереев составлял и составляет белый клобук, служащий в настоящее время отличием митрополитов».¹¹⁸

В начале XVII в. интересную для рассматриваемого сюжета информацию об истории суздальской кафедры отразил в своем труде о России голландец Соломон Нойгебауэр. Описывая земли центральной России, он пишет: «Суздальское Княжение с городом и крепостью того же имени. В нем находится местопребывание Епископа. Оно сопредельно Ростовскому и Владимирскому Княжествам. Некогда занимало первое место между Княжениями Российскими и было Митрополиею лежащих около него городов; но когда усилилось Княжество Московское и перенесена была в оное столица, тогда оно сделалось уже второстепенным»¹¹⁹.

---

¹¹⁷ ВОИДР. М., 1855. Кн.22. Отд.2. С.126.

¹¹⁸ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т.1. Период первый, киевский или домонгольский. Первая пол. тома. М., 1901. Репринт. М., 1997.С.585-586.

¹¹⁹ Нойгебауэр Соломон. Московия, о ее происхождении, расположении, местностях, нравах, религии и государственном устройстве. Статистико-географическое описание

Для скептиков, идеализирующих внутрицерковные отношения в средневековый период, специально отметим, что в рассматриваемую эпоху практика назначения высших иерархов церкви в обход местного митрополита, нарушавшая канонических правила, в реальности была довольно распространена. В качестве примера назовем епископа Ростовского Федора при Андрее Боголюбском, случаи с поставлением митрополитами Феодорита и Романа во времена митрополита Алексия, а затем Киприана и др.¹²⁰

Даже в первой половине XVII в., в условиях формирующегося самодержавного Российского государства, возникла ситуация, когда опальный иерарх, при помощи подарков и посулов, попытался вернуть себе сан, стремясь таким способом вновь получить поставление от Константинопольского патриарха, в противовес решению главы Российской церкви. Об этом свидетельствует грамота патриарха Филарета в нижегородский Печерский монастырь, архимандриту Рафаилу от 17 июня 1632 г., где отразилось следственное дело чернеца Аифиногена. Из приводимых в документе протоколов допросов следует, что этот опальный иерарх Аифиноген Крыженовский, находящийся под надзором в нижегородском Печерском монастыре в прошлом был келарем Николы Угрешского монастыря. «В смирение» в Печерский монастырь он был отправлен за измену патриарху Филарету Никитичу. Вина патриаршего изменника описывается так: «а неправда его то: что он воръ послалъ письмо да четыре сорока соболей къ турецкому паше, а паша бѣ заставил неволею

Российского государства в начале XVII столетия (пер. Н. Руднева) // Журнал министерства народного просвещения. 1836. № 9. С.624.

¹²⁰ См.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т.1. Период первый, киевский или домонгольский. Первая пол. тома. М., 1901. Репринт. М., 1997. С.439-440; Т.2. Период второй, московский. Первая пол. тома. М., 1904. Репринт. М., 1997. С.179-192; С.211-214.

царяградского патриарха Кирила написать грамоту прощальную, чтобъ его разрешилъ, чтобъ ему быть по прежнему въ архиепископахъ; а въ архиепискупы его поставилъ митрополить еретик, и он по его велению служил все по Римски и его волю творилъ ...».¹²¹ Показательна как сама ситуация, так и методы разрешения конфликтов во внутрицерковных иерархических взаимоотношениях.

Здесь, в связи с рассматриваемым сюжетом, следует пояснить, что господствовавшая в советской историографии концептуальная линия о подспудном конфликте высшего церковного руководства с московскими князьями не отражает исторические реалии, а была predetermined атеистическими задачами, которые составляли одну из обязательных методологических основ исторического исследования. В некоторой степени влияние советской концепции сохраняется и на современную историографию. Представляется, что подход к разрешению многих сложных проблем и сюжетов истории русской церкви в период средневековья должен меняться, расстановка сил в политическом и церковном противоборстве в большей степени определялась конфликтом московских князей в союзе с митрополитом с местными князьями и поддерживавшими их церковными иерархами. А применительно к истории церкви в Суздальско-Нижегородских землях это имеет определяющее значение. Однако вернемся к рассмотрению событий происходивших после 1347 г.

Последовавшее, после Нафанаила, новое назначение в Суздаль в 1351 г. Даниила, видимо, было вызвано стремлением князя Семёна Ивановича и митрополита Феогноста найти такую фигуру на

---

¹²¹ Русская историческая библиотека. Т.2. Стб.511.

епископскую кафедру, которая удовлетворила бы и Суздальско-Нижегородского великого князя Константина Васильевича, ведь Даниил в некотором роде был сподвижником его брата — Александра. Но, судя по житию Евфимия Суздальского, Константин Васильевич предпочёл Даниилу своего ставленника - Иоанна. Таким образом, двоевластие в управлении суздальско-нижегородской епархии сохранялось. Даниил скончался в 1362 году. Об Иоанне известно, что он скончался 15 октября 1374 г. и погребён в сане епископа в соборной церкви Рождества Богородицы в Суздале. Но о нём и его деятельности после 1352 года нет никаких сведений. Возможно, что он отошёл от дел после смерти Константина Васильевича. Такую мысль высказывал один из историков церкви митрополит Филарет.

В летописях есть несколько упоминаний о следующем суздальском епископе — Алексее. По свидетельству Рогожского летописца, он был поставлен на кафедру в Суздаль митрополитом Алексием в 1363 г. Под этим же годом в этой же летописной статье, но до информации о поставлении, находим еще сообщние о нем: «Того же лета приеха ис Суждаля князь Дмитрие Костянтиновичь в Новгород Нижни, а с ним мати его княгини Олена да владыка Алексеи. Брат же его младшии князь Борис не съступися ему княжения, он же паки возвратися въсвояси и отъеха в Суждаль». Далее опять под этим же годом: «Тое же осени... в Новегороде в Нижнем показа Бог милосердие свое на князи на Ондреи, владыка поя обедню в церкви благослови крестом князя Андрея и в том часе тако поиде изо креста миро»¹²².

---

¹²² ПСРЛ. Т.15. Стб. 74-75.

Вспомним, что официальный титул у Алексея — епископ Суздальский, но мы видим его в столице самостоятельного Суздальско-Нижегородского княжества в Нижнем Новгороде, рядом с великим князем Андреем Константиновичем. Вероятно, фактически Алексей управлял церковными делами не только в Суздале, но и в Нижегородских землях, которые формально находились в управлении митрополии. Последние могли быть ему подчинены митрополитом на правах экзарха, т.е. митрополичьего управляющего. О подобной ситуации, но уже при последующем епископе Дионисии, упоминают канонические источники¹²³.

Епископ Алексей был участником конфликта из-за Нижнего Новгорода между братьями Константиновичами — Дмитрием и Борисом. Степень вовлеченности Алексея в конфликт не очень ясна, но в ходе конфликта, а может и в результате, митрополит лишает суздальского владыку права управлять Нижним Новгородом и Городцом, и берет их вновь под свой контроль. В Новгородской IV летописи под 1365 г. читаем; «митрополит Алесеи отня епископью Новгородскую от владыки Алексеа...»¹²⁴. Данная мера призвана была создать условия для мер церковного воздействия на строптивого князя Бориса. Смерть епископа Алексея в летописи датируется двояко — 1364 или 1365 год. По летописным сведениям, после него суздальская кафедра оставалась свободной до 1374 г., т.е. почти 9-10 лет. Такое положение дел представляется маловероятным. Почему?

---

¹²³ Русская историческая библиотека (РИБ). Т.6. Памятники древнерусского канонического права. Ч.1. СПб., 1908. Стб.280, 288.

¹²⁴ ПСРЛ. Т.4. Ч.1 Вып.1. Новгородская IV летопись. Пг., 1915. С.292.

Во-первых, это противоречило каноническим правилам, согласно которым епископская кафедра должна быть замещена в течение 3 месяцев после смерти или выбытия епископа.

Во-вторых, отсутствие епископа в условиях противоборства с Москвой было крайне невыгодно для политических интересов и целей суздальско-нижегородских князей.

В-третьих, это порождало массу неудобств в деятельности приходского духовенства в Суздальско-Нижегородском княжестве, что неизбежно негативно отражалось бы на повседневной жизни сельских и городских жителей. Данное обстоятельство также не могло устраивать княжескую власть.

К рассматриваемому времени Суздаль, Н. Новгород и Городец уже прочно находились в руках княжеской династии Константиновичей, именно они и могли определять кандидатуру нового епископа. Е.Е. Голубинский, характеризуя ситуацию с поставлением епископов в послемонгольский период, прямо констатирует, что митрополиты находились в этом вопросе «в совершенной зависимости» от князей¹²⁵. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что суздальская кафедра была замещена вскоре после смерти епископа Алексея в 1364/65 г. По воле Суздальско-Нижегородского великого князя на нее фактически был возведен один из авторитетнейших представителей нижегородского духовенства - архимандрит нижегородского Печерского монастыря Дионисий¹²⁶. Поскольку такие действия противоречили интересам Москвы и митрополита Алексия, то Дионисий мог управлять суздальской епархией без официального

---

¹²⁵ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т.2. С.36.

¹²⁶ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн.3. История русской церкви в период постепенного перехода к самостоятельности (1240-1448). М., 1995. Прим. 258. С.376.

утверждения со стороны митрополита. Отказ главы церкви признать Дионисия мог основываться на том, что был жив еще суздальский епископ Иван. Он умер в 1374 г., после чего и был поставлен Дионисий.

Этот архиерей, возможно, был не единственным управляющим церковью в суздальско-нижегородских землях в 60-е годы XIV в. К такой ситуации могли привести внутривластные противоречия в княжестве, а также вмешательство Москвы и митрополита. Не случайно именно к этому периоду относится возобновление митрополитом Алексием в пригороде Нижнего Новгорода Спасо-Благовещенского монастыря. Обитель являлась домовым митрополичьим монастырем, ни экономически, ни административно не зависящим от нижегородских светских и церковных властей¹²⁷, и фактически стала форпостом Москвы в стане противников.

Применительно к рассматриваемому сюжету, очень интересные сведения содержат два списка, по определению В.О. Ключевского, «местных» грамот последней четверти XIV века Суздальско-Нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича. В этих грамотах называются духовник великого князя Дмитрия Константиновича архимандрит Нижегородского Печерского монастыря Иона, по ходатайству которого, а также другого неизвестного по летописям иерарха Серапиона, епископа Нижегородского, Городецкого, Курмышского и Сарского, и была дана Нижегородским великим князем грамота своим боярам и

---

¹²⁷ См.: Горчаков М. О земельных владениях митрополитов, патриархов и св. Синода. (988-1738). Из опытов в исследовании русского права. Спб., 1871. С.14-15; Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн.3. С.135.

дворянам, «кому с кем сидеть и кому под кем садитца», датируемая 1368 г.¹²⁸.

Для определения исторической достоверности и объяснения полученных сведений об архимандрите Ионе, нам необходимо вспомнить, что известно о суздальском епископе Иоанне. Из жития епископа Иоанна, мы знаем, что поставленный на Суздальско-Нижегородскую кафедру в 1340 году он 25 лет управлял своей епархией. Будучи в преклонных годах, оставил епископскую кафедру, принял схиму и жил 9 лет на покое в Боголюбском монастыре¹²⁹. Автором жития является Григорий, монах Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале. Им же написано житие основателя монастыря Евфимия и некоторых других местных суздальских святых¹³⁰.

Оба произведения служат источниками для выяснения судьбы епископа Иоанна. Источниковедческое изучение и исторический разбор этих памятников был произведен В.А. Колобановым. Результаты его исследований подтвердили ценность и значимость житий Иоанна и Евфимия как исторических источников. Вместе с тем исследователем была отмечена и их специфика. Так, житие Евфимия является более ранним произведением, нежели житие Иоанна, поэтому оно более авторитетно¹³¹. Историческая достоверность жития Евфимия стоит выше, чем в остальных произведениях Григория. Этот вывод для нас очень интересен, поскольку в житии Евфимия указывается, что епископ Иоанн в преклонных годах ушел на покой не в Боголюбский, а в нижегородский Печерский

---

¹²⁸Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – нач. XVI вв. (АСВР). Т.3. М., 1964. № 307. С.335-337.

¹²⁹ Анания Федоров. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале. С.133-134.

¹³⁰ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2. (вторая половина XIV – XVI вв.). Ч.1 А – К. Л., 1988. С.169-171.

¹³¹ Колобанов В.А. Владимиро-суздальская литература XIV-XV вв. М., 1978. С.38.

монастырь. Исходя из вышеизложенного, можно с большей долей уверенности утверждать, что упоминаемый в грамоте Дмитрия Константиновича 1368 года архимандрит печерский Иона и есть суздальский епископ Иоанн, живший здесь на покое после оставления кафедры в 1364-1365 г. Смена имени, вероятнее всего, могла произойти в результате пострижения в схиму. Канонические правила не возбраняли избирать или ставить игуменами монастырей «великих схимников»¹³².

Что касается епископа Серапиона, то он вполне мог быть очередным «неправо» поставленным епископом, но в отличие от Дионисия лишь на Нижегородские, Городецкие, Курмышские и Сарские земли.

Данные грамоты Дмитрия Константиновича хорошо согласуются с информацией, содержащейся в «Повести о нашествии Едигея». Как известно «Повести о нашествии Едигея», изложенные в разных летописных сводах, рассказывают о нападении на Русь осенью 1408 г. ногайского хана Едигея, который в это время фактически являлся правителем Золотой Орды. Общая канва событий также хорошо известна – Едигей не смог захватить Москву, но он сжег её посады, разорил Переяславль, захватил Ростов, Юрьев, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород и Городец, и ушел в свои земли после получения 3000 рублей откупа.

В кратком рассказе об этих событиях, помещенном в Тверской летописи, автор, поведав о разорении Н.Новгорода и Городца, далее сообщает, что татары, в совокупности с болгарскими отрядами и мордвой, пошли на Кострому, намереваясь захватить и Вологду, но главной их целью был захват укрывавшейся на севере великой

---

¹³² Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т.2. С.670-671, 699.

княгини. Однако по приказу Едигея отряды вынуждены были начать возвращение в Орду. «Они же окаянии поидоша взад к Городцу и к Новугороду, воюючи и секучи остатка людей, и поидоша от Новагорода воюючи Уяды и Березово поле, тако поидоша обапол и по лесом ищучи людей, и многа люди по лесом иссекоша; оттоле поидоша к Суре, начаша Суру воевати, Кормыш пожгоша, и Сару Великую пожгоша, а епископы все избиша, а иние огнем скончашася, а люди все посекоша, а иние огнем скончашася, а град весь сожгоша, и место града того разориша Сары Великыя, и монастыри пожгоша, погосты и села повоеваша, и все огневи предаша, полон аки скот погнаша в свою землю, молодые черници черноризици все обнажено, все поругано»¹³³.

В приведенном отрывке из рассказа Тверской летописи, среди погибших в результате ордынского погрома содержится упоминание епископов, именно во множественном числе, а также монастырей, монахинь и монахов. Эти сведения уникальны, поскольку нигде в летописях о епископах Сары Великой и Курмыша информации нет. В научной логике, на которой и должно строиться историческое исследование, случай, когда два разнородных, не связанных друг с другом источника дают общую информацию, считается подтверждающим её достоверность. Таким образом, существование епископов в Саре Великой и Курмыше во второй половине XIV- начале XV вв. представляется весьма вероятным¹³⁴.

Упоминание о черницах и черницах, и пострадавших монастырях также чрезвычайно интересно. Оно свидетельствует об активной монастырской жизни на восточных рубежах

---

¹³³ ПСРЛ. Т.15 Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб.484.

¹³⁴ См. подробнее: Сочнев Ю. В. Малоизвестные сведения по истории церкви в Нижегородских землях в начале XV века // Нижегородский край в истории России. Н.Новгород, 2010. С.11-16.

Нижегородского княжества, с юга и востока граничившего с Ордой. Подтверждением правильности оценки этой информации, является наперсный крест-мощевик 1414 г. Нижегородского князя Ивана Даниловича, содержащий среди других реликвий частицы мощей трех преподобных Засурских¹³⁵. Неизвестный сейчас, но прославленный в начале XV в. Засурский монастырь находился во владениях деда Ивана Даниловича – Бориса Константиновича на нижней Суре. Участие монастырей в колонизации указанных территорий не является чем-то удивительным и уникальным. Монастыри являлись активными субъектами освоения новых, в значительной степени еще инородческих, земель и раньше, в XIII в. на Северо-Западе, Севере и Северо-Востоке Руси¹³⁶. И в последующем, после взятия Казани, на вновь присоединенных восточных территориях происходило масштабное создание монастырей¹³⁷.

Отсутствие в других летописях сообщений об этих событиях и упомянутых представителях нижегородской церковной иерархии, как уже отмечалось, может объясняться обстоятельствами борьбы за церковные земли на территории Суздальско-Нижегородского княжества, которую вела митрополичья кафедра при Киприане и его преемниках, и их последующим влиянием на формирование отечественного летописания.

В свете рассмотренной информации, представляется возможным замещение освободившейся суздальской кафедры Дионисием

---

¹³⁵ См.: Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. М., 1971. С.4-5, С.33-34, № 4.

¹³⁶ См.: Корсаков Д. Меря и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростово-Суздальской земли. Казань, 1872. С.205-216.

¹³⁷ См.: Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев, с 1552 по 1867 года // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1880. Кн.1. С.8-10.

уже в 1364/65 году, как и в более ранних случаях не признанное митрополитом. Официальное признание Дионисия суздальским епископом со стороны митрополита Алексия последовало лишь в 1374 году, одновременно с присвоением ему титулов Нижегородский и Городецкий.

Возглавляя Суздальско-нижегородскую епархию, Дионисий проявил себя изобретательным и энергичным политиком, стремившимся всеми средствами поставить свою кафедру на первое место в церковном отношении, юридически закрепить ее приращения, и стать митрополитом «всех Руси». После смерти митрополита Алексея в 1378 г., в условиях борьбы различных претендентов на митрополичий престол, суздальский епископ вновь возбудил дело об управлении в Поволжских городах. Находясь в Константинополе, Дионисий представил патриарху Нилу прошение, где объяснил, что Нижний Новгород и Городец находятся в пределах суздальской епархии, зависят от суздальского князя, и ближе к его церкви, чем к Москве. Поэтому, он и просил по-прежнему отдать их суздальской кафедре. Патриарх согласился и выдал Дионисию в 1382 году подтвердительную грамоту на эти города¹³⁸. В грамоте он именуется архиепископом Суздальским, Новгородским (Нижегородским) и Городецким. Однако спорные города продержались за суздальской кафедрой недолго. Только приемник Дионисия архиепископ Евфросин удерживал их за собой, и подобно Дионисию, в 1389 году заручился патриаршей подтвердительной грамотой¹³⁹.

Спор о Нижнем Новгороде и Городце возник снова, когда единым русским митрополитом стал Киприан. Как всегда

---

¹³⁸ РИБ. Т.6. Ч.1. Стб. 230.

¹³⁹ Там же. Ст. 278.

политической подоплекой в разрешении церковных дел являлась борьба Московского великого князя Василия Дмитриевича и Нижегородского князя Бориса Константиновича. В 1391 году Борис Константинович с помощью хана Тохтамыша вновь сел в Нижнем Новгороде, отобранном в 1388 году его племянниками – Василием и Семеном Дмитриевичами. Но нижегородское боярство вступило в сговор с Василием Дмитриевичем московским. В июле 1392 года он купил ярлык на Нижний Новгород и осенью занял город. Борис Константинович, оставшись без поддержки своих бояр, ничего не смог сделать. Так завершился первый этап в ликвидации самостоятельности Нижегородского княжества.

Следующим шагом, необходимым для закрепления победы, было переподчинение Нижнего Новгорода и Городца митрополиту. Митрополит Киприан и Московский великий князь Василий Дмитриевич отправили патриарху Антонию послание, где объясняли, что Дионисий не по праву владел Нижним Новгородом и Городцом. Эти города, утверждали истцы, были исстари и изначально городами русской митрополии и состояли под ее ведением и управлением, и что митрополит Алексей поручил их суздальскому епископу временно «как своему экзарху или наместнику». А после смерти митрополита Алексея, Дионисий не по праву получил эти города. По этому иску в 1393 году патриарх отправил на Русь специальных послов – вифлиемского архиепископа Михаила и императорского уполномоченного Аалексия Аарона с грамотой к архиепископу Евфросину, где предписывал перед ними доказать документально права суздальской кафедры на эти спорные города или представить свидетелей, которые могли бы подтвердить эти

права. В противном случае послы должны были передать города митрополиту¹⁴⁰.

Московские власти не случайно предприняли попытку вернуть контроль над церковным управлением Нижнего Новгорода и Городца в 1393 г. Согласно каноническим правилам, утвержденными IV Вселенским собором, приходы, находившиеся в ведении и управлении епископа определенной епархии в продолжении 30 лет, не могли быть оспариваемы другим епископом. Таким образом, был установлен срок давности в территориальных спорах между епархиями, составлявший 30 лет. Эта каноническая норма действовала и активно применялась патриаршим Синодальным судом и в XIV веке.¹⁴¹ Поскольку, как выше уже было показано, епископ Дионисий при поддержке великого князя Суздальско-Нижегородского фактически начал управлять Нижним и Городцом в 1364 г., то через год-два права суздальских архиепископов на спорные города стали бы предпочтительнее. По всей видимости, архиепископ Евфросин не сумел доказать своих прав на Нижний Новгород и Городец, а может быть уступил под давлением силы, и эти города отошли к митрополии, приемники его Митрофан, Авраам и другие назначались уже исключительно в Суздаль. Хотя ситуация не во всем ясна, мы склоняемся к мысли, что владельческие права митрополита на Нижний Новгород и Городец были предпочтительней, поскольку восходили еще к пожалованиям Андрея Боголюбского владимирскому кафедральному Успенскому собору.

---

¹⁴⁰ Там же. С. 278-290.

¹⁴¹ См.: Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса, 1867. С.459-460.

С потерей политической самостоятельности Нижегородским княжеством была утрачена и опора для автономии церковного управления в Нижегородской земле, хотя как явствует из вышеприведенного отрывка «Повести о нашествии Едигея» в начале XV в. на окраинных территориях еще существовали следы этой былой автономии, сошедшие на нет, вероятно, к середине века. Сохранялась такая ситуация в результате продолжавшейся военно-политической борьбы за возврат отчего стола и своих земель, которую вели князья из династии нижегородских Константиновичей, а присурские земли являлись для них базовыми районами, что исключало возможность церковного управления здесь со стороны митрополита. Наличие автономного церковного управления возглавляемого епископами должно свидетельствовать об определенном политическом и экономическом статусе указанных территорий, пусть формально и не признаваемого, но реально существовавшего, что было возможно лишь в результате их успешного заселения и освоения.

С развитием централизации Российского государства и образованием патриаршества в конце XVI в., вопрос об автономии церковного управления в Нижегородском Поволжье вновь возник, и обсуждался в 1589 г. на XVIII Московском церковном соборе. Но вновь образована самостоятельная нижегородская епархия была лишь в 1672 году.

Очерк 5. О ЗНАЧЕНИИ АРХИМАНДРИТИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА В XIV В.

Для современного этапа развития российского общества характерно восстановление роли и значения русской православной церкви, возрождение ее влияния в самых различных сферах. Это объясняет усилившийся интерес к ее истории, хотя, по большому счету, он никогда не иссякал, даже в годы советской власти и доминирования воинствующего атеизма. Среди разнообразных течений современной историографии истории церкви появилось направление, связанное с изучением конкретных институтов и структур в составе обширной русской духовной организации. В последние десятилетия были опубликованы работы посвященные выяснению особенностей формирования и функционирования архимандритии в русском городе.¹⁴² Однако в этих публикациях материалы по истории церкви и монастырей в Нижегородском крае не используются. Даже в крупных специализированных трудах по истории монашеской жизни в Северо-Восточной Руси дореволюционного периода отсутствуют сведения о развитии монастырей в нашем крае.¹⁴³ Не изучена заявленная тема и в краеведческой литературе, поэтому обращение к ней представляется актуальным и целесообразным. Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных исторических материалов,

---

¹⁴² Шапов Я.Н. Государство и Церковь в Древней Руси XI-XIII вв. М.: Наука, 1989. Гл.3; Шапов Я.Н., Соколова Е.И. Архимандрития в древнерусском городе – В сб. Церковь, общество и государство в феодальной России. М.: Наука, 1990. С.40-46; Буданов М.А. Городские организации духовенства в Северо-Восточной Руси до середины XIV в. – В сб. Гуманитарий. История и общественные науки. М.: МПГУ, 2003. Т.5. С. 211–218.

¹⁴³ См.: Кудрявцев Михаил. История православного монашества в Северо-Восточной России со времен преподобного Сергия Радонежского. М., 1881. Ч.1-2.

сделаем небольшую оговорку. Данную статью следует рассматривать как попытку постановки заявленной проблемы и первый опыт в ее изучении, который в рамках небольшой публикации, безусловно, не может быть исчерпывающим. Это становится вполне очевидным, если учесть в данной проблематике многообразие сложных источниковедческих и конкретно-исторических вопросов.

Институт архимандритии был привнесен на русскую почву из Византии, как и многие другие структуры церковного управления. Титул архимандрит с V в прилагается в Константинопольской и других восточных церквах к начальникам монастырей. Первоначально так назывались избранные епископом чиновники из игуменов его епархии для надзора над монастырями. Позже, когда надзор над монастырями перешел от архимандритов к великим сакеллариям, наименование архимандрит, в качестве почетного титула стало присваиваться игуменам важнейших монастырей в епархии. В таком значении этот титул из Византии перешёл и на Русь. Здесь, по мнению церковных историков, он первоначально присваивался только одному игумену в епархии, и только с течением времени сделался достоянием нескольких. В первый раз это наименование встречается в русских источниках под 1171 г. в приложении к игумену Киево-Печерского монастыря Поликарпу. Затем начинают встречаться упоминания архимандрита в Новгороде, в Юрьевском монастыре, под 1226 г.; во Владимире — в Рождественском монастыре — под 1230 г. и т. д.

Появление титула архимандрит в Нижегородском крае связано с именем известнейшего в нижегородской истории религиозного и политического деятеля Дионисия, основателя и первого наставника нижегородского Печерского-Вознесенского монастыря. Наиболее ранние сведения об этом встречаются в

летописях и агиографических сочинениях. Начнем с летописных сообщений, поскольку они оцениваются как более достоверные. В Рогожском летописце под 1374 г. читаем: «... на зборъ на Москве преосвященный архиепископъ Алексеи митрополить постави архимандрита Печерьскаго монастыря, имене[ъ] Дионисиа, епископомъ Суждалю и Новугороду Нижнему и Городцю ...».¹⁴⁴ Аналогичное сообщение читается в Троицкой и Симеоновской летописях.¹⁴⁵ Приведенное свидетельство о поставлении Дионисия в епископы является первым упоминанием о нем в летописях и одновременно первым фактом, подтверждающим существование архимандритии в Нижнем Новгороде во второй половине XIV в.

Упоминания об обладании Дионисием титула архимандрита в более ранний период имеются в «Житии Вассы (Василисы)» жены нижегородского князя Андрея Константиновича, отразившемся в Троицкой летописи. После смерти своего мужа «княгиня же Василиса много плакавше по князи своемъ, пребысть вдовою 4 лета, по семъ пострижена бысть отъ Дионисья, архимандрита печерскаго, и наречено бысть имя ей Феодора».¹⁴⁶

Интересные сведения по интересующему нас вопросу содержат два списка, по определению В.О. Ключевского, «местных» грамот последней четверти XIV века нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича. В них называется духовник великого князя Дмитрия Константиновича - архимандрит нижегородского Печерского монастыря Иона, а также другой неизвестный по летописям иерарх Серапион, епископ Нижегородский, Городецкий,

---

¹⁴⁴ Полное собрание русских летописей. (ПСРЛ). Т.15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб.105.

¹⁴⁵ Присёлков М.Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста). Л.: Изд-во АН СССР. 1956. С.395-36; ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. М., 2007. С.113-114.

¹⁴⁶ Присёлков М.Д. Троицкая летопись. С.414.

Курмышский и Сарский, по ходатайству которых Нижегородским великим князем была дана грамота своим боярам и дворянам, «кому с кем сидеть и кому под кем садитца», датируемая 1368 г.¹⁴⁷ По поводу упоминаемых грамот и фигурирующих в них загадочных исторических персонажей нам уже доводилось писать¹⁴⁸, поэтому не будем повторяться, а отметим только титул архимандрита у настоятеля нижегородского Печерского монастыря.

Специфика агиографических произведений как исторических источников и дискуссионность подлинности так называемых «местных» нижегородских грамот диктуют осторожное отношение к содержащимся в них сведениям, в том числе и по поводу архимандритии. Однако, учитывая более поздние сведения и статус нижегородского Печерского монастыря, обретенный им в экономической и общественно-политической жизни нашего города и края в целом, считаем возможным высказаться за возможность использования указанных сведений в исторических построениях. Вероятнее всего, они отражают вполне реальные события, в которых отразилась историческая роль нижегородских монастырей.

Из приведенных сведений определенно видно, что формирование и развитие архимандритии в Нижнем Новгороде в первой половине XIV в. связано с Печерским-Вознесенским монастырем. Данных о возникновении и развитии этого монастыря, как впрочем, и в целом о Нижегородском крае за этот период крайне мало. Монастырь был первым из известных нам в Нижнем

---

¹⁴⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – нач. XVI вв. (АСВР). Т.3. М., 1964. № 307. С.335-337.

¹⁴⁸ См.: Сочнев Ю.В. Обзор истории церковного управления в Суздальско-Нижегородском княжестве в XIV в. // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических трудов. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2003. С.180-181; Сочнев Ю. В. Малоизвестные сведения по истории церкви в нижегородских землях в начале XV века // Нижегородский край в истории России. Н. Новгород, 2010. С.11-16.

Новгороде (если не принимать во внимание упоминание о каком-то монастыре, сожженном мордвой в 1229 г.) в нем, в числе первых в Северо-Восточной Руси, был утвержден общежитийный устав. Основание монастыря в дореволюционной историографии относится к 1328-1330 гг.¹⁴⁹ Такая датировка не вызывала сомнений и у многих советских историков, обращавшихся к изучению деятельности Дионисия и истории Нижнего Новгорода.¹⁵⁰

Сомнения нижегородского архивиста Б.М. Пудалова¹⁵¹, основанные на невысказанных вполне и пока еще не обоснованных «косвенных соображениях», не могут считаться аргументами, опровергающими длительную и устоявшуюся историографическую традицию в объяснении даты возникновения Печерского монастыря. Намерение посвятить этому вопросу специальную статью можно только приветствовать, однако осмелимся предположить, что ее автор вряд ли сможет найти новые источники и сведения, имеющие значение исторического факта. Скорее всего, как это не раз уже было, он предложит ряд своих собственных оценочных суждений, наверное, отличных от выводов предшественников. Такие построения зачастую не могут претендовать на статус авторитетных доказательств и не обязательно, что они будут признаны всеми другими исследователями, хотя результат любого умственного упражнения

---

¹⁴⁹ Макарий (Миролюбов). Св. Дионисий, архиепископ Суздальский, основатель Нижегородского Печерского монастыря. Н.Новгород, 1864; Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн.3. М., 1995. С.121; Храмцовский Н. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Н. Новгород, 1998. С.34,310; Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. Спб., 1890. С.269-270, № 1055.

¹⁵⁰ Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Л., 1978. С.69-70; Кулева С.В. Дионисий Суздальский – идеолог и политик XIV в. – В сб.: Нижегородский край в эпоху феодализма. Нижний Новгород, 1991. С.42; Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIII–XIV вв. М., 1956. С.66.

¹⁵¹ См.: Пудалов Б.М. Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). Нижний Новгород, 2004. Примечание 263.

по этой тематике, безусловно, любопытен. Разумеется, это субъективные предварительные суждения, и возможно заявленная статья сможет изменить их.

Б.М. Пудалов сетует: «В краеведческой литературе «общим местом» стало утверждение о том, что в правление Александра Васильевича (между 1328-1330 гг.) был основан Нижегородский Вознесенский Печерский монастырь. Наиболее ранние публикации такого рода не приводят никаких обоснований этой датировки. Нет обоснований и в новейших работах ...»¹⁵². Специально для нижегородского архивиста поясним, возможно, это поможет ему в работе над заявленной статьёй, что дата возникновения Печерского монастыря была определена на основе сведений извлеченных из агиографических сочинений, повествующих о жизни учеников и сподвижников основателя монастыря Дионисия – Евфимия Суздальского и Макария Желтоводского. Как это было сделано, можно увидеть в работе архиепископа Филарета (Гумилевского)¹⁵³, его выводы и результаты по данному вопросу были приняты современными ему и последующими историками. Их же практически без изменений изложил в своей книге и известный советский источниковед и историк Г.М. Прохоров.¹⁵⁴ Эту же датировку, как и многие другие историки, принимает и автор данного очерка.

Монах Дионисий, предположительно выходец из Киево-Печерского монастыря, мог предпринимать действия по созданию и дальнейшему развитию обширной обители вблизи Нижнего Новгорода только с согласия и при поддержке суздальского князя

---

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Филарет (Гумилевский). Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Описание жизни их. Т.3. Сентябрь-декабрь. СПб.,1882. С.232. Сноска 117.

¹⁵⁴ Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Л., 1978. С.69-70.

Александра Васильевича, который в указанный период имел верховную власть в Нижегородском Поволжье. Вероятно, нижегородский Печерский-Вознесенский монастырь по условиям своего создания был ктиторским, и «ктитором-собственником» его был князь Александр Васильевич. Не случайно этот монастырь на протяжении последующих десятилетий всегда оставался надежной опорой суздальско-нижегородских князей в политической борьбе с Москвой, и даже когда сформировался московско-нижегородский союз, власти монастыря стремились сохранять и демонстрировать относительную самостоятельность в церковных делах.

Необходимость создания крупного монастыря подобного известным обителям в других главных городах Северо-Восточной Руси диктовалась политическими и идеологическими потребностями развития Суздальско-Нижегородского великого княжества. Слабое развитие традиций монастырской жизни в Нижнем Новгороде в первой половине XIV в. делало суздальско-нижегородских князей неконкурентными в борьбе за контроль над митрополичьим столом, формально все еще находившемся во Владимире на Клязьме. Свой монастырь был нужен, в том числе и для возможного последующего выдвижения надежных кандидатур на замещение должностей высших архиереев – епископа и митрополита.

Такое политическое значение вновь созданного монастыря делало его важным элементом взаимоотношений вне и внутри княжества, а также весомой частью городского управления. Для местной княжеской власти эта ситуация обретает особое значение после 1347 г., когда митрополиту при поддержке московского князя, при посредстве Константинопольского патриарха удалось закрепить контроль над церковными структурами в Нижегородском крае. Как

мы ранее уже отмечали, территория последнего, как часть Владимирского великого княжества, вошла в состав митрополичьей церковной области.¹⁵⁵ Сохранение контроля за развивающимися в Нижегородской земле монастырскими организациями через оформление института архимандритии в наиболее сильном монастыре, осуществляющем руководство другими городскими монастырями, отвечало интересам суздальско-нижегородских князей. Они были кровно заинтересованы в собственном контроле деятельности монастырей и, возможно, еще каких-то церковных структур через голову митрополита и назначаемых им епископов.

Данная выше оценка значимой роли архимандритии в Нижнем Новгороде, вытекающая из оценки складывающейся политической ситуации, к сожалению, слабо может быть проиллюстрирована данными источников, в силу их малой сохранности. От этого периода до нас дошли лишь разрозненные крохи исторических фактов, относящихся к нижегородской истории. Свидетельств об архимандритии и ее самостоятельной функции в городе очень мало, но все же некоторую информацию можно обнаружить.

Выше уже приводилось летописное сообщение 1374 г. о поставлении Дионисия епископом Суздаю, Нижнему Новгороду и Городцу, сопровождающееся обширной похвалой ему. В этой уникальной оценке его деятельности Дионисий назван – «монастырям строитель и мнишескому житию наставник и церковному чину правитель ..., и множеству братства предстатель, и пастухом стада Христова».¹⁵⁶ Сама исключительность сообщения,

---

¹⁵⁵ См.: Сочнев Ю.В. Обзор истории церковного управления в Суздальско-Нижегородском княжестве в XIV в. С.177.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т.15. Рогожский летописец. Ст.105

неоднократно изученного¹⁵⁷, свидетельствует о высочайшем авторитете основателя и наставника нижегородского Печерского-Вознесенского монастыря. Выделенные нами фрагменты из летописной похвалы прямо указывают на его масштабную деятельность в управлении монастырской и церковной жизнью. Очевидно, что она не могла осуществляться минуя Нижний Новгород.

О большом влиянии Печерского монастыря и высоком статусе его наставника в Нижнем Новгороде в середине XIV в. свидетельствует и «Житие Макария Желтоводского и Унженского»: «Обычай имели родители — а с ними и ребенок — ходить в святой великий Печерский монастырь, стоявший на Волге в трех поприщах от города. Любил отрок беседовать с иными и вопрошать их о спасении человеческом, хвалили они при этом иноческое житие. Слышал это ребенок и распалялся сердечным пламенем. Полюбил он иноческий чин с такой силой, что возникло у него желание облечься в светлый иноческий образ».¹⁵⁸

Недостаток исторических сведений не позволяет определенно говорить о начале формирования архимандритии в Нижнем Новгороде, а вот ее окончательное становление, вероятнее всего, связано с переносом столицы Суздальско-Нижегородского княжества в Нижний Новгород в начале 50-х гг. XIV века. Такое важное событие неизбежно должно было сопровождаться перестройкой системы управления, как в целом в княжестве, так и в столице. Учитывая обширную церковную юрисдикцию и

---

¹⁵⁷ Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Гл.8; Макарихин В.П. Кто автор поэтических похвал епископу Дионисию и Василисе Тверской? // Записки краеведов. Очерки. Статьи. Документы. Хроника. Вып. 5. Горький, 1981. С. 163 – 165.

¹⁵⁸ Житие Макария Желтоводского и Унженского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10577> (дата обращения: 15.12.2012).

вытекающую из этого практическую значимость церковных структур для повседневной жизни нижегородцев разных сословий, можно предполагать, что подобные мероприятия не могли обойтись без участия такой влиятельной корпорации, как Печерский-Вознесенский монастырь. Этому также способствовало все возрастающее идеологическое соперничество с Москвой, проявлявшееся и в церковно-иерархической сфере.

Подобные оценки подкрепляют события, происходившие примерно в это же время в Суздале. В условиях возникшего в 1347 г. в управлении суздальской епархией двоевластия¹⁵⁹ выходец из нижегородского Печерского-Вознесенского монастыря Евфимий, с благословения епископа Иоанна, в 1352 г. основывает здесь Спасский мужской монастырь.¹⁶⁰ После завершения строительства монастыря в 1357 г. именно Евфимий Суздальский стал архимандритом новоустроенной обители и оставался им до своей кончины в 1404 г. Едва ли его учитель и духовный наставник Дионисий не имел этого титула.

Обретенные позиции в политической сфере и в управлении Суздальско-Нижегородского княжества руководители нижегородского Печерского-Вознесенского монастыря в последующий период еще более укрепили. Преемник Дионисия на архиепископской кафедре Евфросин до своего возведения на высший церковный пост в княжестве также носил титул архимандрита нижегородского Печерского монастыря.¹⁶¹ В

---

¹⁵⁹ См.: Сочнев Ю.В. Обзор истории церковного управления в Суздальско-Нижегородском княжестве в XIV в.

¹⁶⁰ Житие Евфимия Суздальского. - РГБ. ОР. Ф.242. (Собр. Г.М. Прянишникова), № 60. Л.23 об. - Л.27 об.

¹⁶¹ Присёлков М.Д. Троицкая летопись. С.431.

последующие столетия практически все настоятели этого монастыря именовались архимандритами.¹⁶²

Возникнув в Нижнем Новгороде в XIV в., как один из институтов церковного управления, архимандрития продолжала существовать и в XV-XVII вв.. Поскольку основные принципы и схемы взаимоотношений в структуре управления русской православной церкви в указанный период существенно не менялись¹⁶³, это позволяет нам использовать документы XVII в. для восполнения пробелов в исторической картине XIV в. по рассматриваемой проблеме.

От XVII в. актов Печерского монастыря дошло до нас гораздо больше, но среди них два наиболее наглядно иллюстрируют особенности функционирования архимандритии в Нижнем Новгороде. Отписка архимандрита нижегородского Печерского монастыря Макария патриарху Иосафу о том, что протопопы, священники и дьяконы нижегородских церквей не ходят для служения в соборную церковь (1634-1641), прямо указывает на существование в это время в Нижнем Новгороде архимандритии, как самостоятельной структуры, потенциально имеющей влияние на жизнь города. По указу царя Михаила Федоровича, с благословения патриарха Иосафа, велено было Макарию «быти въ Нижнемъ Новгороде въ Печерскомъ монастыре въ архимандритехъ». Далее из этого документа следует, что назначенный архимандрит должен был возглавлять собор высшего духовенства города, состоявший из протопопов, священников и

---

¹⁶² См.: Строев Павел. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. ; Пудалов Б.М. Хронологический указатель властей Печерского монастыря. – В сб.: Город славы и верности России. Н. Новгород, 1996. С.36-39.

¹⁶³ См.: Горчаков М.О. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода (988—1738). СПб.. 1871. С.392; Русское православие веки истории. М.: Политиздат, 1989. С.157-163.

дьяконов нижегородских церквей, включая главные соборы – Спасский и Архангельский, а также архимандритов и игуменов городских и окрестных монастырей.¹⁶⁴ Это объединение создавалось для осуществления определенных церковных функций, в частности для совершения регулярных воскресных богослужений. Поскольку практически все вопросы идейной, церковной, семейной жизни нижегородцев находились под влиянием духовенства, понятно, что это объединение имело большой авторитет и вес в городской жизни. Особый статус и влияние должен был иметь архимандрит, возглавлявший собор. И хотя документ свидетельствует о нарушениях в работе этого традиционного церковного института в Нижнем Новгороде в 30-40-х гг. XVII в., архимандрит в любом случае фактически являлся третьим лицом в провинциальной иерархии государственных, церковных и городских должностей. Такой вывод следует после прочтения грамоты патриарха Филарета архимандриту нижегородского Печерского монастыря Рафаилу (16 мая 1631 г.), посланной с целью разрешить конфликт между представителями городской администрации вкуче с митрополитом и вышеназванным настоятелем монастыря. Ключевой является фраза о повелении патриарха представителю нижегородской администрации: «а велено ему впередъ бытъ съ тобою вместе, безъ твоего совету не велено ему делать ничего».¹⁶⁵

Рассмотренные документы подтверждают сохранение доминирующего положения Печерского монастыря в общественно-политической жизни Нижнего Новгорода, а за его настоятелями полномочий архимандритов. Однако в конце XIV в. у них появились

---

¹⁶⁴ Русская историческая библиотека (РИБ). Т.2. СПб., 1875. Стб.959-960.

¹⁶⁵ РИБ. Т.2. Стб.505.

сильные конкуренты. Таковыми выступили настоятели другого крупнейшего нижегородского монастыря - Спасо-Благовещенского.

История возникновения этого монастыря в Нижнем Новгороде туманна. Еще дореволюционные исследователи выдвинули гипотезу о тождественности двух монастырей – упомянутого в Лаврентьевской летописи под 1229 г., сожженного мордвой Благовещенского и построенного в конце 50-60-х гг. XIV в. митрополитом Алексием на окраине города - Спасо-Благовещенского.¹⁶⁶ Эта гипотеза остается доминирующей и в современной краеведческой литературе. Считается, что глава русской церкви возобновил монастырь, но вопрос о дате этого события остается дискуссионным до сих пор. Сведения об этом мы получаем из жития Алексия, а вот в летописях информации о монастыре практически нет.¹⁶⁷ Это, кстати говоря, явный показатель его влияния на общественно-политические отношения в столице Суздальско-Нижегородского княжества. Самые ранние документы монастыря датируются 1393 г. и 1399 г.¹⁶⁸ В этих актах его настоятели именуются архимандритами. Данное обстоятельство, по нашему мнению, нельзя рассматривать как своеобразную «смену лидера» в жизни Нижнего Новгорода, даже несмотря на произошедшие серьезные политические и церковно-иерархические изменения. Считаем, что архимандрития Спасо-Благовещенского монастыря оставалась по большей части лишь титульной, означавшей почетное наименование игуменов второго важнейшего монастыря в епархии.

---

¹⁶⁶ См.: Аримандрит Макарий. Памятники церковных древностей. Нижний Новгород: изд-во «Нижегородская ярмарка», 1999. С.353-355.

¹⁶⁷ См.: Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С.172-173.

¹⁶⁸ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков (АФЗХ). М., Ч.1. № 229. С.201-202, № 246. С.210-211.

Особенностью рассматриваемой обители в XIV—XV вв. являлась ее принадлежность к категории домовых митрополичьих монастырей. Это означало, что во всех вопросах церковной жизни монастырь подчинялся митрополиту, проживавшему с 1326 г. в Москве, а не местным епархиальным властям. Домовые митрополичьи монастыри находились на землях, юридически принадлежащих митрополичьей кафедре, а не самим монастырям, и поэтому находились в зависимости от неё не только в церковных вопросах, но и в поземельных, а также хозяйственно-экономических отношениях.¹⁶⁹

Данные обстоятельства определяли специфику положения монастыря на территории Суздальско-Нижегородского княжества. В условиях противоборства московских и нижегородских князей из-за Великого княжения, имевшего масштабные проявления и в церковно-иерархических отношениях, появление Благовещенского монастыря означало для Москвы создание мощного опорного пункта для распространения своего влияния на территории соперника. Представляется, что такое положение дел не позволяло руководству монастыря серьезно интегрироваться в систему общественно-политических и административных отношений в столице Суздальско-Нижегородского княжества.

Положение меняется после установления в 1392 г. политического контроля Москвы на территории Нижегородского края, сопровождавшегося восстановлением в 1393 г. митрополичьего управления над местными церковными структурами. Именно после этого, вероятнее всего, настоятели Благовещенского монастыря получают почетный титул

---

¹⁶⁹ См. подробнее: Горчаков М.О. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода (988—1738). С. 393-397.

архимандритов, который они сохраняют и в последующем, однако не постоянно, как руководители Печерского монастыря, а с существенными перерывами. Знакомство с актами Благовещенского монастыря XV-XVII вв. позволяет дать предварительную оценку его деятельности в сравнении с Печерским монастырем. Складывается впечатление, что структуры Благовещенского монастыря менее активно участвовали в жизни Нижнего Новгорода, у них чаще были противоречия и даже конфликты с городской администрацией. Им не удалось перехватить своеобразную пальму первенства в общественно-политической жизни города у своего конкурента. Поэтому архимандрития настоятелей этого монастыря и после XIV в. оставалась лишь титульной.

Подводя итог, констатируем, что в церковной жизни Нижнего Новгорода в XIV в. развиваются процессы, получившие начало в предыдущий период в крупных городах древнерусских княжеств. Возникновение архимандритии в столице Суздальско-Нижегородского княжества преимущественно было связано с формированием и развитием Печерского-Вознесенского монастыря, и его основателем Дионисием, являвшимся выдающимся деятелем нижегородской истории. Созданная им обитель стала первой и наиболее влиятельной среди нижегородских монастырей. Именно Печерский монастырь в XIV в. и позже являлся руководящим монастырем Нижнего Новгорода и осуществлял определенные функции по отношению к городу и его властям, а также к епископу, и по отношению к другим монастырям, а его настоятели возглавляли организацию нижегородского духовенства, обладавшую особым статусом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. **Летописные известия о зимнем походе монголов в 1239 г.**

Лаврентьевская летопись: «...На зиму взяша Татарове Морьдовьскую землю и Муром пожгоша и по Клязьме воеваша, и град святыя Богородица Гороховець пожгоша, а сами идоша в станы своя... Тогда же бе пополох зол по всей земли и сами не ведаху и где хто бежить». (ПСРЛ. Т.1. М., 1997. Стб.470).

Московский великокняжеский летописный свод конца XV в.: «На ту же зиму взяша татарове Мордву, и Муром пожгоша, и по Клязьме воеваша и град святыя богородица взяша Гороховець, пожгоша и идоша въ станы своя. Бе же пополох тогда по всеи земли зол, сами бо себе людие не ведаху, кто где бежит от страха». (ПСРЛ. Т.25. М.;Л., С.130-131).

Воскресенская летопись: «На ту же зиму взяша Татарове Мордовскую землю, и Муромъ пожгоша, и по Клязьме воеваша, и градъ святыя Богородица Гороховець пожгоша, и идоша во своя страны. Бе же пополохъ тогда зол по всей земли, сами бо себе людие не ведаху, кто где бежит от страха». (ПСРЛ. Т.8. М., 2001. С.144).

Летопись Московско-академическая (Московско-Академический список Суздальской летописи): «Того же лета взяша Татарове Чернигов. Того же лета взяша Морьдовьскую землю, Муром по Клязьме повоеваша город святеи Богородици взяша. Того же лета бысть пополох золъ по всеи земли, не ведаху и сами кто где бежит». (ПСРЛ. Т.1. М., 1997. Стб.523).

Рогожский летописец: «Того же лета на зиму взяша Татарове Муромскую землю и Муром пожгоша и Городец, и Торжекъ». (ПСРЛ. Т.15. М., 2000. Стб.29).

Тверской сборник: «А инии Татарове Батыеви Мордву взяша, и Муромъ, и Городецъ Радилонъ на Волзе, и градъ святыя Богородица Володимерския. И бысть пополохъ золь по всей земли, не ведаху кто камо бежаще». (ПСРЛ. Т.15. М., 2000. Стб.374).

Ермолинская летопись: «Татары тогда Мърдву взяша и Муромъ, и Гороховец, градъ святыя Богородица Володимерския, и бысть пополохъ въ всеи земли золь, не ведаху ся, кто камо бежаще». (ПСРЛ. СПб., 1910. Т.23. С.77).

Львовская летопись: «А инии татары Батыевы Мордву взяша, и Муромъ, и Городецъ, и градъ святыя Богородица Володимерския. И бысть пополохъ золь по всей земли, не ведаху кто камо бежаху». (ПСРЛ. Т.20. Первая половина. СПб., 1910. С.158).

Холмогорская летопись: «А инии татарове, шед мордву взяша, Муром и Городец. И бысть пополох зол по всей земли, не ведаху кто камо бежа». (ПСРЛ. Л., 1977. Т.33. С.67).

Никоновская летопись: «Того же лета Батыевы Татарове взяша Татарове Мордовскую землю и Муромъ, и по Клязме вся повоеваша и поплениша, и градъ пречистыя Богородици Владимерския Гороховецъ повоеваша и поплениша, и со многимъ полономъ возвратишася во свояси».

«...На ту же зиму взяша Батыеве Татарове Мордовскую землю, и Муром пожгоша, и по Клязме воеваша, и градъ святыя Богородица Гороховецъ пожгоша, и идоша во страны своя. Бе же пополохъ тогда золь по всей земли, сами бо себе людие не ведаху кто где бежить от страха».

«Того же лета приходиша Батыеви Татарове въ Рязань, и поплениша ю всю». (ПСРЛ. Т.10. М., 2000. С.115).

2. «Местная» грамота нижегородского Великого князя Дмитрия Константиновича боярам, князьям, а также дьякам и прочим дворянам, «кому с кем сидеть и кому под кем садитца». 1367/68 г.

«Князь великий новгородский Нижнева Нова города и суздальской, и городецкой, и курмышской, и сарской, и болгарской, и болымецкой, и подолской и всея Понизовские земли заволский юрту и севернова государь князь Дмитрей Констентинович пожаловал есми своих бояр и князей - дал им местную грамоту по их челобитью, а по печалованью архимандрита новгородского печерского, отца своего духовного Ионы и по благословению владычного Серапиона, нижегородского и городетского, и курмышскаго, и сарского, - кому с кем сидеть и кому под кем садитца.

Велеть садитца от своего места князю Ивану Васильевичу городецкому, да садитца против ево в скамье князю Федору Андреевичу полскому, да садитса боярину ево Василью Петровичу Новосилцову; да велеть садитца казначею и боярину Тарасью Петровичу Новосилцову; и пожаловал ево боярством за то, что он откупал ис полону государя своего дважды великого князя Дмитрея Констентиновича, а в третей выкупал княгину Марфу.

Да велел садитца Юрью боярину своему Курмышеву, да садитца князю Петру Ивановичу березополскому, да садитца в лавке князю Дмитрею Федоровичу муромскому; да садитца в скамье князю Василью Федоровичу Нагаеву, да садитса князю Ивану Андреевичу Турову, да садитса князю Борису Петровичу беженскому, да садитса в лавке князю Василью Ивановичу

Муромчикову, да садится Петру Ивановичу Молвянинову, да садится князю Григорью Борисовичу березополскому.

А под ним велел садитца в лавке Костентину Кононовичу да сыну ево Матвею Костентиновичу Крутецкому, да в скамье Ивану Григорьеву сыну Медведеву.

Да велел садитца дьеком своим Ивану Суморокову, да Василью Иванову сыну Нагаеву; да садитца Юрью Григорьеву сыну Глазову, да Федору Григорьеву сыну Измайлову, да Борису Григорьеву сыну Русинову, да Петру Борису сыну Подолскому, да Назару Родионову сыну Рогачеву.

Да садитца Нагиным Федору Дмитриеву сыну, да ево детем Василью, да Прокофью, да Гаряину, да зятем ево Ивану Григорьеву сыну Федорову; да садится Федору, Якову Игнатьевым, да садится Дмитрею Васильеву сыну Понищеву, да брату ево Василью Путилову; да садится Ивану Семенову сыну Саробина; да садится Федору Скрябину, да Григорью Васильеву сыну Поленицыну; да садится Юрью Иванову сыну Кривошеину; да садится Василью Богданову сыну Волкову; да садится Василью Никифорову; да садится Гордею Иванову сыну Дмитриеву; да садится Ушаку Юрьеву сыну Нагавицыну; да садится Дмитрею Васильеву сыну Скрыпицыну; да садится Ивану Григорьеву сыну Журакову; да садится Семену Алыбешеву сыну Озерецкому, да Ивану Григорьеву сыну Коросеву; да садится Федору Григорьеву сыну Ноздрокосу; да садится Борису да Федору Никитиным детем Храмога; да садится Афоне Брылову; да садится Федору Иванову сыну Заборскому, да садится Фоме Иванову сыну Талынчееву, да садится Дмитрею Федорову сыну Назарову; да садится Ивану Григорьеву сыну Румянцову, да Ивану Григорьеву сыну Горицыну; да садится Ивану Григорьеву сыну Резанцову, да садится Ждану Григорьеву сыну Бежинскому, да Рудаку Яковлеву сыну Раулцову, да Григорью Тимофееву сыну Плеснину; да садится Зубатому Титову сыну Ноздрокосу, да Игнатью Беклорову, да Маскате Астафьеву сыну Фелимонову.

А к месной грамоте князь великий велел бояром своим руки приложить и дъеком.

И месную грамоту писал дьяк великого князя Петр Давыдов сын Рукин, 6876-го году.

А назади местныя грамоты 7 рук приложено: К сей грамоте архимандрит печерской Иона руку приложил; да казенной боярин Юрья Иванов сын Курмышев, да великого князя дьяк Иван Сумароков руку приложил, да указной дьяк Василей Иванов сын Нагова руку приложил, да к сей же грамоте великого князя указной же дьяк Юрья Григорьев руку приложил.

А такова подлинная великова князя месная грамота в Нижнем Новеграде в Печерском монастыре».

(Грамота приводится по изданию: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – нач. XVI веков. Т.3. М., 1964. № 307. С.335-336).

3. «Записки¹⁷⁰ о поставлении русских епископов...» и их летописные подтверждения

«Записки о поставлении русских епископов...»

№ 9. «В августе, индикта 15 года 6855 (1347 г.), в понедельник на Преображение был избран и поставлен епископом в Суздаль иеромонах Нафанаил, в присутствии епископов: Иоанна Ростовского и Феодора Тверского».

№ 10. «В марте 2 [числа], года 6838 (1330 г.) индикта 13, выборы на епископию города Суздаля, в присутствии епископов: Антония

---

¹⁷⁰ Обнаружены во второй пол. XIX в. в Ватиканском архиве В.В. Регелем и описаны В.Г. Васильевским (См.: Журнал министерства народного просвещения. 1888. Февраль. С.450-452).

Ростовского, Сафонии Сарайского и Григория Рязанского; кандидаты: иеромонах Даниил, Андрей и Ефремъ; избран Даниил».

(Выдержка из документа приводится по изданию: Русская историческая библиотека (РИБ). Т.6. Памятники древнерусского канонического права. Ч.1. СПб., 1908. Стб. 440-442).

Летописные подтверждения записок

Рогожский летописец:

в лето 6855: «Того же лета поставлень бысть Нафанаиль епископомъ Суждалю». (ПСРЛ. Т.15. Стб.57-58).

в лето 6859: «Того же лета Феогнасть митрополить благословиль Данила владыку епископомъ Соуждалю и приать древнии свои санъ и просветися святительствомъ и служил обедню, пръвое литургисаль на средокрестной недели въ че[тверто]къ». (ПСРЛ. Т.15. Стб.60).

Дополнение В.Н. Татищева под 1351 г.: «Суздальский епископ Даниил, хотя более сел имети, гневаяся на князь Александра, но той не даде ему. Он же начат его бояр запрещати и в церковь не пусчати и за то отлучи его митрополит. Но по неколице времени за прозьбу князя благослови его Феогнаст митрополит служити паки, и приат прежней чин архиерейства».

(Приводится по изданию: Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т.5. История российская. Ч.3. М., 1996. С.104).

**5. Запись в патриарших протоколах о выдаче
суздальскому архиепископу Евфросину сигиллиона
на принадлежность к его епархии
Нижнего Новгорода и Городца**

(1389 г. в июле). «Боголюбивейший архиепископ суздальский, курь Дионисий оный, доносилъ святейшему и приснопамятному патриарху, курь Нилу, о двухъ городахъ, Новгороде [Нижнемъ] и Городце, что они, состоя въ уделе суздальскаго князя, принадлежать къ той же епархии и находятся вблизи его церкви, но что митрополиты русские безпокоять его [въ обладании сими городами]. Поэтому онъ просилъ на нихъ грамоты у патриарха и получилъ таковую, согласно его донесению. И ныне рукоположенный на суздальскую кафедру курь Евфросинъ предъявилъ свои права [на те города] и сам получилъ на нихъ сигиллионъ, въ которомъ онъ пишется архиепископомъ суздальскимъ, новгородскимъ и городецкимъ. По этому случаю и сделана настоящая запись месяца июля, индикта 12».

(Документ приводится по изданию: Русская историческая библиотека (РИБ). Т.6. Памятники древнерусского канонического права. Ч.1. СПб., 1908. Приложения. № 34. Стб.230).

**6. Грамота патриарха Антония к суздальскому
архиепископу Евфросину с известием, что патриаршие
послы разберут спор его с митрополитом о Нижнем
Новгороде и Городце. 1393 г.**

«Боголюбивейший архиепископ суздальский: благодать и миръ отъ Бога да будетъ съ твоимъ боголюбиемъ. Ты хорошо знаешь, какъ твой монахъ, оный курь Дионисий, доносилъ намъ о Новгороде [Нижнемъ] и Городце, - что они принадлежать къ суздальской

епархии, находясь въ уделе тамошнего князя и недалеко отъ Суздаля. Поэтому онъ просил и получилъ грамоты на нихъ отъ царя и патриарха, дабы не терпеть безпокойства отъ правящихъ митрополитовъ русскихъ. И ты самъ, сделавшись суздальскимъ архиепископомъ, после смерти онаго...., предъявлялъ эту грамоту и испросилъ другую на свое имя, чтобы владеть теми [городами], если они, какъ вы доносили, действительно, принадлежать къ суздальской епархии. Но теперь преосвященный митрополитъ киевский и всея Руси, пречестный, во Святом Духе возлюбленный братъ и сослужитель нашей мерности, вместе с благороднейшим и славнейшимъ великим князем московским и всея Руси, во Святом Духе дражайшимъ сыномъ нашей мерности, куръ Василиемъ, написали и послали къ намъ съ возлюбленнымъ во Святом Духе сыномъ нашей мерности, куръ Димитриемъ Афиняниномъ, грамоты объ этихъ городахъ, и утверждаютъ, что искъ твоего монаха, о принадлежности ихъ къ суздальской епархии, былъ неправиленъ отъ начала; напротивъ, они были-де изстари и изначала городами русской митрополии и состояли подъ ея ведениемъ и управлениемъ; твой же монахъ выпросилъ ихъ у митрополита киевскаго и всея Руси, онаго куръ Алексия, чтобы держать ихъ, на правахъ экзарха, и действительно держалъ до конца жизни куръ Алексия. По смерти же куръ Алексия, когда вследствие разныхъ смуть, о которыхъ знаешь и ты, другой не былъ еще поставленъ на русскую митрополию, твой монахъ завладелъ этими городами и, не найдя здесь никакой помехи (такъ какъ на Руси не было одного общаго митрополита, а бывали попеременно то одинъ, то другой), сталъ искать и получилъ ихъ на томъ основании, будто они принадлежать его церкви. А какъ теперь все дела находятся въ рукахъ у одного митрополита и, при помощи Божией, въ той церкви насталь миръ, то [митрополитъ] просилъ у высочайшаго и святаго моего самодержца и у меня – уничтожить эту неправду и возвратить митрополии ея города. Посоветовавшись о семъ съ святымъ царемъ, который, по благодати Божией, есть царь правды и истины, мы, между прочимъ, наказали идущимъ туда

нашимъ апокрисиариямъ, преосвященному архиепископу вифлеемскому, во Святом Духе возлюбленному брату и сослужителю нашей мерности, куръ Михаилу, и приближенному [человеку] высочайшаго и святаго моего самодержца, по духу сыну нашей мерности, куръ Алексию Аарону, чтобы они произвели объ этомъ разследование. И такъ, покажи имъ грамоты, которыя ты и твой монахъ получили отъ отца высочайшаго и святаго самодержца, славной и блаженной памяти царя, отъ нашей мерности и отъ бывшего предо мною святаго и приснопамятнаго патриарха куръ Нила. И такъ какъ, сколько мы помнимъ и находимъ въ священномъ кодексе Великой церкви Божией, вы искали этихъ городовъ,, какъ достояния суздальской церкви: то если ты докажешь это предъ апокрисиариями или другими девними и достоверными грамотами, или свидетельствомъ добрыхъ людей и почтенныхъ старцевъ, то ваше прежнее донесение признано будетъ правильнымъ; съ темъ вместе и наши грамоты, которыя ты имеешь, должны оставаться въ полной силе и неослабномъ действии. Если же не докажешь этого, напротивъ, преосвященный митрополитъ киевский и всея Руси докажетъ справедливость того, что онъ утверждаетъ, именно – что [те города] изстари и изначала принадлежали митрополии и что твой монахъ владелъ ими временно, какъ экзархъ онаго русскаго митрополита, куръ Алексия, который далъ ихъ ему: то грамоты, сохраняя и въ этомъ случае свою честь, останутся, по своему действию, такими, какъ если бы ихъ вовсе не было: ибо оне произошли вследствие ложнаго донесения; а города возьметъ преосвященный митрополитъ киевский и всея Руси. Мы не хотимъ неправды, но желаемъ мира, истины и справедливости. И такъ приходи на разбирательство и покажи, если имеешь что въ подтверждение своего права: тогда, при помощи Божией, состоится то, чего требуетъ правда. Благодать Божия да будетъ съ твоимъ боголюбиемъ».

(Документ приводится по изданию: Русская историческая библиотека (РИБ). Т.6. Памятники древнерусского канонического права. Ч.1. СПб., 1908. Приложения. № 41. Стб.277-282).

7. Ярлыки татарских ханов русским митрополитам

Ярлык Тайдулы русским князьям

[1347 г. сентября 26]

« ЯРЛЫК ДАЛА ТАЙДУЛА ЦАРИЦИ ИОАНУ МИТРОПОЛИТУ

Тайдулино слово к таиде. Всъ Иоан митрополит за нас молебник молиться от пръвых добрых и времен и доселе акоже молебник. Не надобе им мзда, ни какая пошлина ни емлют у них ничего, занеже о нас молитву творять. И что есмы мльвили, то бы есте вси ведали. Или что в городех какие пошлины или какие дела или сила будеть им, а тебе скажють, и ты слово их выслушай да по истине дело их управи. Или паки от кого пред самими на попы и на их люди слово приидеть и ты бы им силы не чинил никакие, упокоини бы были, а о нас бы молитву творили. А вы, русские князи, Семеном почен всеми митрополиты, как наперед сего кои дела делали, а нынечя также делаютъ.

Молвя с нишенем грамоту дали есмы. Свиного лета осмаго месяца в 5-и ветха. На Желтой Трости орда кочевала. Написано».

(Документ приводится по изданию: Памятники русского права. Вып.3. Периода образования русского централизованного государства. XIV-XVI вв. М., 1955. С.466-467).

Ярлык Тайдулы митрополиту Феогносту

[1351 г. февраля 4]

«ЯРЛЫК ЧЕНИБЕКОВА ЦАРИЦИ ДАЛА ФЕГНОСТУ МИТРОПОЛИТУ ТАИДУЛА

По Ченибекову ярлыку Тайдулино слово татарским услусным князем и волостным и городным и селным дорогам и таможником и побережником и мимохожим послом, или кто на какове дело придеть ко всем. Из давных из и добрых времен и доселе что молятся богомолци и весь поповьскый чин, и те никаких пошлин не ведаютъ — самому богу молятся за племя наше в род и род и молнтву въздають. Тако мльвя Феогноста митрополита царь пожаловал с алою тамгою ярлык дал. И мы первых ярлыков не изыначя мльвя Феогносту митрополиту с нишением грамоту дали есмы. И как в Володимери сед богу молиться за Зденибека и за нас и за наши дети молитву въздаеть. А пошлина ему не надобе, ни подвода, ни корм, ни запрос, ни каков дар, ни почестия не въздаст никакова, ни люди его. А земля его, ни вод, ни огородов, ни виноградов, ни мелнецъ кто ни будетъ не занимают их, ни силы, ни истомы не творять им никакие ни отъимають у них ничего. Или где стануть да не емлють у них ничего. Так есмы мльвили. А кто пак беспутно силу учинить какову или пошлину замыслить, умереть и поблюдется. И ты, Фегност митрополит, возмолвишь, что так есмь пожалован. А котории к тебе не причястни огороди, виногради, воды, земли, сам нечто не так учинишь, то сам ведаешь. А за нас богу молитву въздавай. Тако мльвя на утвержение нишеную грамоту дали есмы. Заечия лета арама месяца во осмы новаго в Сарае орда кочевала. Написано.

А жалобу положил Таоббога, Акъхочя мухтар Учюгуи карапчии. Писано.

(Документ приводится по изданию: Памятники русского права. Вып.3. Периода образования русского централизованного государства. XIV-XVI вв. М., 1955. С. 468-469).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Очерк 1. «Батыево нашествие» и Нижний Новгород	6
Очерк 2. Традиция и заблуждение в Нижегородском краеведении	29
Очерк 3. Ярлык митрополиту Ивану как отражение политической борьбы в XIV в. Нижегородских и Московских князей	39
Очерк 4. Церковно-иерархические вопросы в системе междукняжеских и внутривластных взаимоотношений Суздальско-Нижегородских великих князей	53
Очерк 5. О значении архимандритии в общественно-политической жизни Нижнего Новгорода в XIV веке	81
Приложения.....	96

Научное издание

Сочнев Юрий Вячеславович

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
НИЖНЕГО НОВГОРОДА И НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ПЕРИОДА**

Текст печатается в авторской редакции

Подписано в печать 17.12.2012. Формат 60×90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 4,85.
Усл. печ. л. 4,34 Тираж 500 экз.

Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина
603950, г. Н. Новгород, ГСП-37, ул. Ульянова, д.1.

Отпечатано в множительном центре НГПУ